ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 103 (3132) Суббота, 29 августа 1953 г. Цена 40 коп.

В БЕСЕДЕ С НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ...

Праздник советских шахтеров

Завтра советский народ отмечает День шахтера. По установившейся традиции, этот ежегодный праздник является днем смотра достижений угольной промышленности Советского Союза, трудовой доблести славного отряда рабочего класса — горняков.

— Труд шахтеров окружен у нас всеобщим уважением и почетом,— сказал в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» заместитель министра угольной промышленности СССР А. Лаланц.— Советские шахтеры самоотверженно трудятся над выполнением и перевыполнением плана пятой пятилетки. Сейчас в нашей стране угля добывается в девятнадцать раз больше, чем накануне XIV съезда партии, в 1924/25 хозяйственном году, когда партия взяла курс на индустриализацию страны. План угледобычи в первом полугодии текущего года выполнен на 100,1 процента. В течение всего года угля будет добыто на 93 процента больше, чем в 1940 году.

Шахтеры угольных бассейнов страны встречают свой праздник новыми трудовыми успехами. Горняки шахты № 26-44 треста «Боковантрацит» первыми в Донбассе досрочно завершили девятимесячный план добычи угля. 25 августа они отправили сороковой в этом году эшелон сверхпланового антрацита.

Семнадцать угольных предприятий Караганды добывают топливо в счет сентябрьского задания.

В Подмосковном бассейне комбайнер шахты № 22 треста «Сталиногорскуголь» тов. Жаболенко вместе с комбайнерами тт. Крысиным и Храмовым доказали возможность добывать одним комбайном свыше 11 тысяч тонн угля в месяц. Это в два с лишним раза превышает установленную норму. По примеру новаторов сейчас работают многие коллективы, причем уже сотни механизаторов выдают уголь в счет 1954 и 1955 годов.

В нашей угольной промышленности применяется самая передовая в мире горная техника. Техническое перевооружение угольных бассейнов, осуществленное за последние годы, позволило полностью механизировать зарубку, отбойку и доставку угля в лавах, подземный транспорт и погрузку угля в железнодорожные вагоны. Десятки шахт переводятся на комплексную механизацию.

Перед войной на шахтах не было горных комбайнов — машин, которые одновременно производят подрубку, отбойку и навалку угля на транспортеры; теперь сотни лав в различных бассейнах страны переведены на комбайновую добычу. Ныне в забоях работает более двух тысяч углепогрузочных и породопогрузочных машин. Усовершенствованы врубовые машины. Созданы весьма эффективные скребковые конвейеры — мощные и надежные средства доставки угля из лав. Свыше восьми тысяч машин и механизмов переведено на дистанционное и автоматическое управление. За последние годы создано более ста тридцати типов новых машин.

Новая техника требует непрерывного повышения культуры труда, более совершенной организации производства. На шахтах страны сейчас успешно осваивается передовая — цикличная организация работ, послужившая основой для нового подъема социалистического соревнования горняков.

Свыше сорока процентов всех рабочих угольной промышленности прошли обучение и повысили свою квалификацию на различных курсах. Почти половина всего состава шахтеров — это рабочие, окончившие горнопромышленные школы и училища, а также имеющие законченное среднее образование. Благодаря резкому сокращению текучести, росту квалификации и внедрению новой техники производительность труда за последние три года увеличилась на 23,6 процента.

Всемерно развивая угольную промышленность, партия и правительство заботятся об улучшении условий труда шахтеров, об удовлетворении их материальных и культурных запросов. В одном лишь прошлом году в угольных бассейнах сооружено двадцать прекрасно оборудованных дворцов культуры, клубов и кинотеатров, пятьдесят школ, детских садов и яслей, много новых магазинов и столовых. В пятой пятилетке вводится в строй около семи с половиной миллионов квадратных метров жилой площади и значительно расширяется сеть культурных и социально-бытовых учреждений.

Празднуя День шахтера, работники угольной промышленности мобилизуют все силы на решение задач, поставленных XIX съездом партии и пятой сессией Верховного Совета СССР. На еще много убыточных предприятий, себестоимость продукции угольной промышленности все еще высока.

Работники угольной промышленности сделают все необходимое для того, чтобы полностью обеспечить углем народное хозяйство страны.

Ленинградская обувь

Каждый день с конвейеров «Скорохода» сходят десятки тысяч пар обуви восьмидесяти пяти различных моделей. Здесь есть и мужская обувь, и детская, и дамские полусапожки с меховой опушкой, «уличные» и модельные туфли самых разнообразных фасонов, размеров, расцветок.

Увеличивается не только количество моделей, но улучшается и внешняя отделка обуви.

— До сих пор запросы потребителей опережали нас,— говорит главный инженер фабрики «Скороход» Б. Благовестов.— Правда, наша обувь по прочности превосходит иностранную, но последняя привлекает покупателей своим внешним видом. Этот разрыв между качеством и отделкой будет устранен. Мы уже прекратили выпуск детской обуви с черным верхом и на черной резине. Обувь для детей теперь выпускается по улучшенным моделям из высших сортов кожи различного цвета.

Недалеко от «Скорохода» находится фабрика «Пролетарская победа» № 2. Это — второе по величине обувное предприятие Ленинграда. Здесь изготовляется, главным образом, женская обувь.

В лаборатории фабрики мы увидели стоявшие в несколько рядов разноцветные туфли, «босоножки», полусапожки. Это новые модели. Некоторые из них уже находятся в производстве. Другие недавно утверждены художественным советом, сейчас на фабрике разрабатывается технология их производства; на конвейер они пойдут в конце года.

На фабрике вводится несколько новых поточных линий. Одна из них, например, предназначается для изготовления высококачественной обуви для девушек-подростков.

...Где бы мы ни были — на крупнейшей фабрике страны «Скороход» или на маленькой фабрике «Восход», выпускающей, кстати сказать, отличную обувь! — всюду слышали справедливые претензии к заводам, поставляющим обувной промышленности сырье (ленинградские заводы «Коминтерн» и «Марксист», Осташковский кожевенный завод). Плохо выполняет свои обязательства калининский кожзавод «Красный Октябрь», поставляющий замшу для высших сортов обуви.

Другие фабрики жалуются на низкое качество фурнитуры, выпускаемой заводами «Главмашдеталь» (в частности, Московским фурнитурным заводом), на низкое качество текстиля и т. д.

Только совместными усилиями обувных фабрик и заводов-поставщиков можно успешно решить задачу выпуска добротной и красивой обуви.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.).

КОСТРОМСКАЯ ПОЙМА

Федор МАЛОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Широкий, спокойный плес Волги. Справа, изгибаясь среди зарослей разнолесья, поблескивает излучина реки Костромы. В междуречье — насколько охватывает взгляд — великолепные пойменные луга.

Костромская пойма — самый большой луговой массив Верхней Волги. Тут часто встретишь колхозы, у которых пастбища и луга занимают чуть ли не три четверти всей земельной площади. Не случайно ведь именно в этих местах сложился у нас центр разведения высокопродуктивного молочного скота — костромской породы.

Куда ни взглянешь — луга: просторные, с обильными, уже подкошенными травами. Мы идем пастбищами колхоза «Огородник». Еще не так давно, как рассказывают старожилы, в половодье пойма разливалась на двадцать и более километров. Но с сооружением плотины Рыбинского водохранилища площадь затопляемых угодий сильно сократилась. Видимо, недостаточный уход за лугами привел к ухудшению ботанического состава трав. Луга начали быстро зарастать ракитником и лозняком, увеличились суходолы. За последнее десятилетие площадь заливных лугов сократилась почти на 60 процентов. Одновременно идет процесс заболачиваемости угодий, нуждающихся в широкой мелиорации. Процесс этот длительный. Еще Н. А. Некрасов, исколесивший вдоль и поперек костромские болота, восклицал:

> Дьявол, что-ли, понапихивал
> Этих кочек да корней?..

Удивительно, как много здесь градаций заболачиваемости! Продираясь сквозь шершавые ветки кустарника, заросли камыша, я и мой спутник, заместитель директора Шунгенской луго-мелиоративной станции Алексей Федорович Фролов, то и дело обходим мшаны, топи, зыбуны. Изредка видны следы когда-то проводившихся в этих местах мелиоративных работ. Неглубокие, заплывшие канавки: в них кислая и густая, словно деготь, вода.

Но и эти редкие, бездействующие канавки, и эти неширокие, успевшие зарасти новыми кустарниками вырубки не меняют общей картины. За Перехваткой начинаются почти непроходимые болота. И я замечаю, как идущий впереди Алексей Федорович, боясь попасть ногой в коричневую болотную жижу, все менее уверенно приговаривает, подбадривая меня:

— А вот мы скоро выберемся!.. Уж скоро!..

* * *

Изменение водного режима в междуречье, вызванное сооружением Рыбинской плотины, выдвинуло задачу расширения лугопастбищного хозяйства костромских колхозов. Необходимо было создать в этих колхозах надежную кормовую базу для развития животноводства.

Поэтому вскоре после окончания Великой Отечественной войны на берегу Некрасовского озера выросла усадьба новой Шунгенской МТС, реорганизованной потом в луго-мелиоративную станцию.

В междуречье началось наступление на болота. По луговинам, по заболоченным ложбинам и суходолам ходили, пытливо присматриваясь, люди с теодолитами, измерительными рейками, с различными гидрометрическими приборами. Они изучали почвы, исследовали луговую растительность.

— Дошла, видать, очередь и до наших болот! — говорили колхозники.

...У озера Рассоха, летнего стойбища для стада колхоза «Огородник», мы застали только пастухов — Геннадия Елпидифоровича Канцерева и его помощника Евгения Васильевича Архипова. Присев на подножку колхозной полуторатонки, они перелистывали «баланс кормовых культур зеленого конвейера на пастбищный период 1953 года». Канцерев — смуглый, гладко выбритый мужчина, лет тридцати пяти. Просматривая «баланс», он что-то деловито выписывал в памятную книжку. Возле грузовика стояли порожние молочные бидоны. Неподалеку паслось колхозное стадо. В двенадцать часов дня — вторая дойка.

Вскоре приехали доярки, надели халаты и, захватив подойники, ушли к коровам.

— Дай-ка схему, — обратился Алексей Федорович к старшему пастуху.

Канцерев передал Фролову целую пачку бумаг. Это были записи об удоях, паспортички загонов, делянок, семенников и другие документы, относящиеся к семипольному лугопастбищному севообороту, который осваивали здешние животноводы.

Раньше удой коров в этих местах зависел от продолжительности и силы весенних разливов Волги и Костромы, от летних дождей. Теперь, с введением зеленого конвейера, и в жаркие и в пасмурные дни удои колхозного стада одинаковы.

— Нынче все зависит от нас самих: от человека! — с глубокой убежденностью сказал Геннадий Елпидифорович. — Раньше говорили: что посеешь, то и пожнешь. К нам, животноводам, эти слова не имели отношения. А теперь и мы говорим: что посеешь, то и надоишь!..

Канцерев предлагает осмотреть некоторые делянки зеленого конвейера. Он проводит нас за Каменники: это невысокая холмистая гряда, за которой начинаются болота.

— Думали: куда их? — говорил Геннадий Елпидифорович. — Ни с плугом сюда не заберешься, ни с косой... Одним словом: гиблые места!.. А теперь... И там, где пасется стадо, было такое же болото... — добавил он.

Когда-то, до революции, в Костромской пойме делали попытки осушить луга. Люди, вооружившись заступом да дедовской мотыгой, успевали расчистить сотую долю гектара, а два гектара зарастало вновь кустарником. Для наступления широким фронтом на болота нужна была мощная и совершенная техника. Такой техникой социалистическое государство богато оснастило молодую Шунгенскую ЛМС, проводившую здесь луго-мелиоративные работы. Машины прокладывали осушительные канавы, сводили разнолесье, дисковали и рыхлили вековую дернину. Машины запахивали на суходолах с закисленной почвой известь, торф, минеральные удобрения. Даже камни на лугах и то убирались специальными машинами!

С помощью машин человек превратил болота и заброшенные земли в цветущие луга.

Старый пастух знал только жалейку да «кнут-подожек». Геннадий Елпидифорович пасет стадо, придерживаясь определенных циклов. Об этом он так и говорит: «У нас тут с сенокосами и выпасами полный переворот!». Канцерев приводит стадо на загоны, засеянные овсяницей, пыреем, лисохвостом, ежой сборной, клевером — травами питательными, вкусными, урожайными. Луговоды составляют травосмеси, как сдобную начинку для пирога! Кроме обильного подножного корма, коровы ежедневно получают в стойле свежую зелень, жмыхи, картофель и корнеплоды.

Здешние колхозы до улучшения лугов получали в среднем по 820 литров молока на одну фуражную корову. Так примерно было и в колхозе «Огородник». А в 1951 году, после введения зеленого конвейера, надой молока на фуражную корову составил уже 3.661 литр. В прошлом году только от фермы крупного рогатого скота колхоз получил 740 тысяч рублей дохода.

* * *

Преобразование Костромской поймы имеет большое значение для подъема колхозов одного из крупных районов центральной нечерноземной полосы. Уже сейчас вкладываются десятки миллионов рублей в осуществление самых различных работ, проводящихся в пойме.

Большая сплавная река Кострома, вытекающая из дремучих вологодских лесов, в будущем станет сливаться с Волгой не рядом с Костромой, как сейчас, а за несколько десятков километров от города. Сооружение межколхозных гидроэлектростанций на Сендеге, Андате и Брячеве позволит в ближайшее время завершить электрификацию пригородных районов Костромы. Ведется строительство водоотводного канала для приема паводковых, атмосферных и грунтовых вод в нагорной части Костромского района. Возводится оградительная дамба, которая предохранит от затопления пойму при подъеме уровня Волги после сооружения волжских плотин. Костромская пойма станет цветущим уголком центральной нечерноземной полосы.

Начало уже сделано. За немногие годы работы Шунгенской ЛМС площадь сеяных трав в здешних колхозах выросла в 26 раз! Более чем в пять раз увеличились семенники, значительную часть которых занимают земли, отвоеванные у болот. Из года в год поднимается урожайность клевера, тимофеевки, сеяных травосмесей и других кормовых культур. Костромские животноводы практически убедились в огромных преимуществах новой, более интенсивной системы использования лугов с помощью подсева трав.

Однако надо сказать, что опыт Шунгенской ЛМС не распространяется. Мало того, дружному коллективу мелиораторов мешают различные, искусственно нагромождаемые препятствия. Часто из-за бюрократизма, неповоротливости планирующих организаций простаивает великолепная техника. Механизаторы порой вынуждены тратить свою энергию на то, чтобы преодолеть бюрократические «топи» многочисленных ведомств.

Десять месяцев путешествовал по ведомствам проект луго-мелиоративных работ на одном из самых крупных в области заболоченных массивов — Василево—Трубачево. В проектном бюро при Костромском областном управлении сельского хозяйства и заготовок составили проект; он пошел в бывший Главводхоз при Совете Министров РСФСР на утверждение. Оттуда его снова вернули в Кострому, потом еще раз отослали в Москву, в отдел экспертизы при управлении капитального строительства Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР.

Может быть, проект содержал в себе серьезные ошибки, существенные дефекты? Нет! В него нужно было внести лишь незначительные поправки. Это можно было сделать, как говорится, на ходу. Десятимесячное блуждание проекта, оказывается, объяснялось... неопределенностью: неизвестно, кто должен его утверждать! Только в начале июля этого года проект вернулся к своему исходному пункту: в проектное бюро, к костромичам. Десять месяцев пропали даром! А техника ЛМС была занята на рытье и расчистке мелких колхозных прудов, силосных траншей, овощехранилищ.

Второй факт. Более года задерживается составление технического проекта по Апраксинскому массиву. Двенадцать крупных животноводческих колхозов Костромского района уже давно оформили с ЛМС свои заявки на большой комплекс работ по мелиорации луговых угодий.

Время идет, а проекта нет и до сих пор. И никто не может сказать, когда же он, наконец, будет готов.

И еще один факт. Возле буйного чапыжника гудит мощный гусеничный трактор. Тракторист Павел Середин сидит за рулем. Прицепщик, напрягаясь, тянет на себя стальной трос, второй закидывает его за три-четыре жидкие лозинки, привязывает трос у самых корней: «Поезжай!». Машина ревет. Трос натягивается. Иногда он выдирает с корнем несколько лозинок, но очень часто, скользя, трос срывается. И тогда суета у трактора начинается снова.

— В чем дело? — недоумеваем мы. Почему переложена на человеческие руки почти вся работа, предназначенная для машины? Оказывается, ножи у присланных сюда кусторезов давным-давно сработались, а новых достать негде. Дирекция ЛМС неоднократно обращалась за помощью в областную контору «Сельхозснаба», но там к заявкам отнеслись формально, равнодушно. И вот шестеро усердно хлопочущих людей и мощный трактор за день еле-еле очищают от кустарника пятнадцать соток гектара!

* * *

Мы привели обидные факты. В них отражается равнодушие ряда проектных и снабженческих учреждений к работам по преобразованию лугов и пастбищ Костромской поймы. А преобразование это, повторяем, имеет большое значение для подъема колхозов одного из крупных районов нечерноземной полосы.

КОСТРОМА.

В БЕСЕДЕ С НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ...

На Сталинградгидрострое

31 августа исполняется три года со дня опубликования постановления Совета Министров СССР о строительстве Сталинградской гидроэлектростанции. За три года у северных окраин Сталинграда произошли большие перемены. На левом берегу Волги вырос новый город: построены многоэтажные каменные жилые и административные здания; открыты магазины, детские ясли, школы. Строятся кинотеатры, театр на 800 мест, стадион, закладываются парки и сады; воздвигнуты цехи ремонтно-механического, асфальтового и бетонного заводов; строится арматурный двор, депо; проложены шоссейные и железные дороги.

— Скоро начнется укладка бетона в основание здания гидроэлектростанции,— говорит главный инженер Сталинградгидростроя С. Медведев.— К этому времени нам предстоит выполнить большой объем земляных работ.

Попрежнему основным объектом остается котлован, где работы вступили в решающий период. Котлован углубляли шесть землесосов, в течение года они выбросили свыше шести миллионов кубометров земли. Затем мы приступили к осушению котлована. Для этой цели устроено восемьдесят глубоких скважин, из которых непрерывно откачиваются грунтовые воды. Дно котлована обнажилось. Сейчас грунт вынимается экскаваторами.

Котлован — плацдарм наступления на Волгу. Отсюда мы начинаем намывать километровую плотину. Здесь строится канатная подвесная дорога, с помощью которой будут подаваться камень, щебень и другие материалы.

Прежде чем преградить Волгу плотиной, необходимо построить судоходный двухкамерный шлюз, обеспечивающий двухстороннее движение. Мы уже приступили к сооружению котлована под шлюз; прокладываем подходные каналы.

Замечательное явление в жизни стройки — технический рост кадров. Многие строители три года назад не имели представления о таких, как у нас, машинах. Теперь они—опытные механизаторы, мастера своего дела. Помнится, пришел на стройку молодой чубатый паренек Федор Шевченко. Мы направили его учеником на экскаватор. Старшие товарищи заботливо помогали ему овладевать знаниями. Вскоре он стал управлять шагающим экскаватором «ЭШ-40». Таких, как Федор Шевченко, много.

Стройка живет большой, полнокровной жизнью; ее люди полны сил и решимости выполнить почетное задание Родины — построить гигантскую гидроэлектростанцию в срок.

Казанский вал

Много веков стоит на холме казанский кремль. Его круглые зубчатые башни когда-то смотрелись в зеркало волжских вод. Шло время, и река далеко отодвинулась от древних кремлевских стен.

Скоро Волга снова подойдет к ним. Куйбышевский гидроузел с его мощной плотиной поднимет уровень реки на семь-восемь метров, и тогда огромное водное пространство с трех сторон окружит Казань. «Большая вода» покроет под Казанью свыше пяти с половиной тысяч гектаров низин. Но свои застроенные и обжитые места город не отдаст реке. В проектных организациях разработана система инженерной защиты города. Современное гидросооружение — высокая дамба, земляной вал — оградит его от всяких случайностей. Пологие откосы этой дамбы будут омываться водами Волги. Ширина ее под Казанью дойдет до восьми километров.

В Министерстве жилищно-гражданского строительства РСФСР, которому поручено сооружение Казанского вала, корреспонденту «Литературной газеты» показали карту всей территории города и его окрестностей, на которой красными линиями отмечены места, где строительство уже началось. Высота дамбы будет такая, что ей не страшны станут волны и двухметровой высоты. Дамба поднимется на высоту четырехэтажного дома, а ширина ее основания в отдельных местах достигнет двухсот-трехсот метров.

В этом году предполагается соорудить свыше пяти километров защитного вала. Из них тысячу триста метров составит длина Кремлевской набережной дамбы. Украшенная аллеями декоративных растений, с дорожками для прогулок и лодочными станциями, она будет одним из самых красивых уголков Казани.

Начался намыв еще двух участков Казанского вала — Верхне-Заречного по правому берегу реки Казанки и Кремлевской транспортной дамбы, по которой пройдут трамвайные и автобусные линии, связывающие центр города с его северными районами. В ближайшее время начинается сооружение большого железобетонного моста на транспортной дамбе.

Строительные площадки на месте будущего вала и порта оснащены высокопроизводительными землеройными машинами: мощность земснарядов, экскаваторов, бульдозеров и скреперов, имеющихся здесь, позволяет вынуть и уложить в течение месяца до миллиона кубометров земли. Четыре земснаряда уже намывают дамбу в районе нового порта и кремля. В ближайшее время приступят к работе еще шесть земснарядов.

В будущем году объем работ возрастет во много раз. Дамба вокруг Казани протянется более чем на двадцать пять километров. Такого рода обвалование города производится у нас в стране впервые.

Одновременно с сооружением Казанского вала начинаются большие дренажные работы по понижению уровня грунтовых вод — их излишки будут откачивать мощные насосные станции. Огромные работы предстоит провести также по перестройке и усовершенствованию подземных коммуникаций казанского городского хозяйства.

Казанский вал вместе с новым первоклассным портом «Большой Волги» неузнаваемо изменит облик столицы Советской Татарии.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

ИЗ ХРОНИКИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

✱ **Песни шахтера-композитора.** К празднику горняков в Сталинском областном книжно-газетном издательстве вышел сборник песен «Споем, шахтеры!» Автор его — композитор Дмитриев-Кабанов, проработавший в донецких шахтах более тридцати лет. Главной темой творчества шахтера-композитора является расцвет социалистического Донбасса, героический труд и счастливая жизнь горняков. Среди песен, включенных в сборник, — «Нас партия ведет», «Край донецкий», «Боевая шахтерская», «Подземные солдаты», песни о Родине, о Москве, о Киеве.

✱ **Накануне театрального сезона.** Театры Карело-Финской ССР готовятся к открытию нового сезона. Они покажут двенадцать пьес советских драматургов на русском и финском языках. Республиканский театр русской драмы ставит комедию С. Михалкова «Раки». Комедия Л. Ленча «Большие хлопоты», переведенная на финский язык, пойдет в Карело-Финском драматическом театре.

✱ **Новые колхозные клубы.** В центре села Репенка заканчивается отделка красивого кирпичного здания. Это — новый клуб колхоза имени Куйбышева на триста пятьдесят мест. В клубе просторная сцена, помещения для самодеятельных кружков, библиотека, читальня. Заканчивают строительство новых клубов еще шесть колхозов. Теперь все колхозы Алексеевского района, Воронежской области, будут иметь свои клубы.

✱ **Закарпатский хор.** В Чите закончились концерты Закарпатского государственного народного хора. Они прошли с большим успехом. С особой теплотой забайкальцы встретили украинскую песню «Думы мои, думы» на слова Тараса Шевченко. Ансамбль выехал в Улан-Удэ.

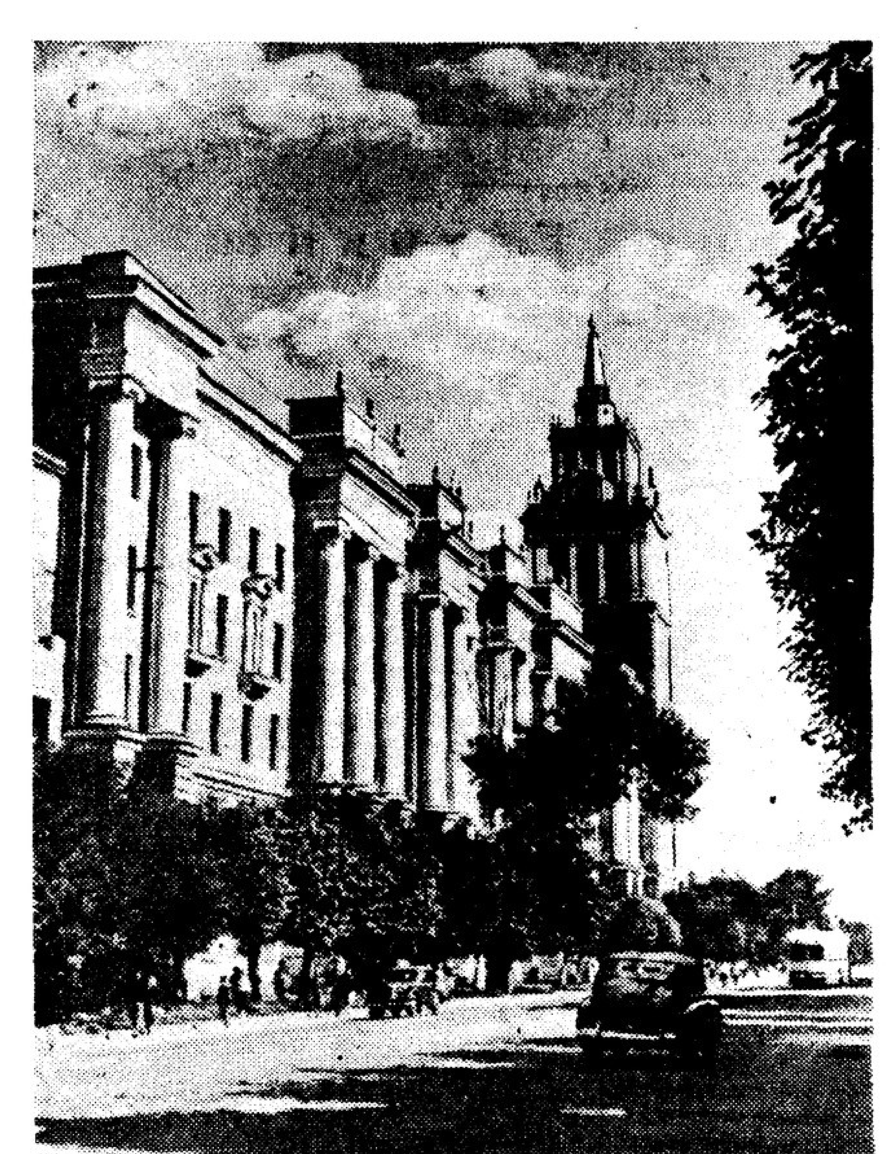
310 тысяч киносеансов

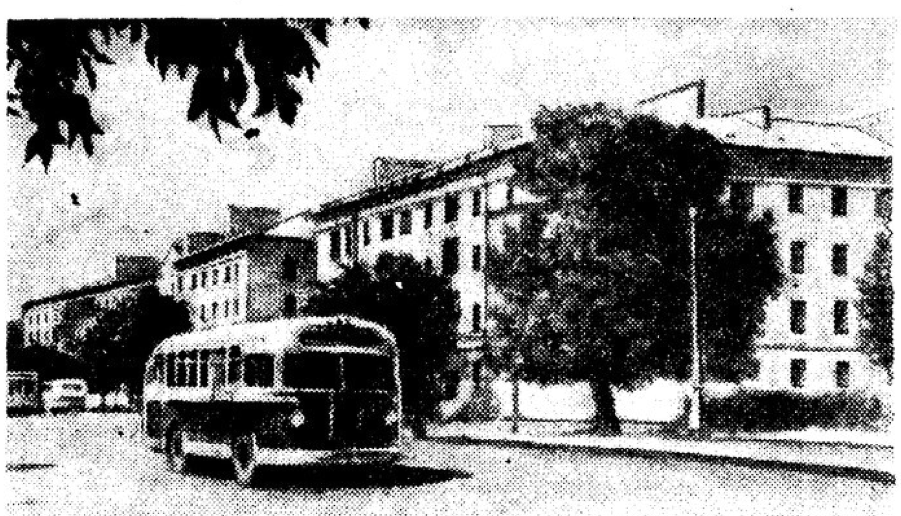
В нынешнем году в Киргизии начали работать 25 новых киноустановок. Сооружены кинотеатры в городах Талассе, Оше, в рабочем городке г. Фрунзе. Завершается строительство кинотеатра на пятьсот мест в Пролетарском районе столицы республики. В парке села Ворошиловка, Фрунзенской области, открылся летний кинотеатр на триста мест.

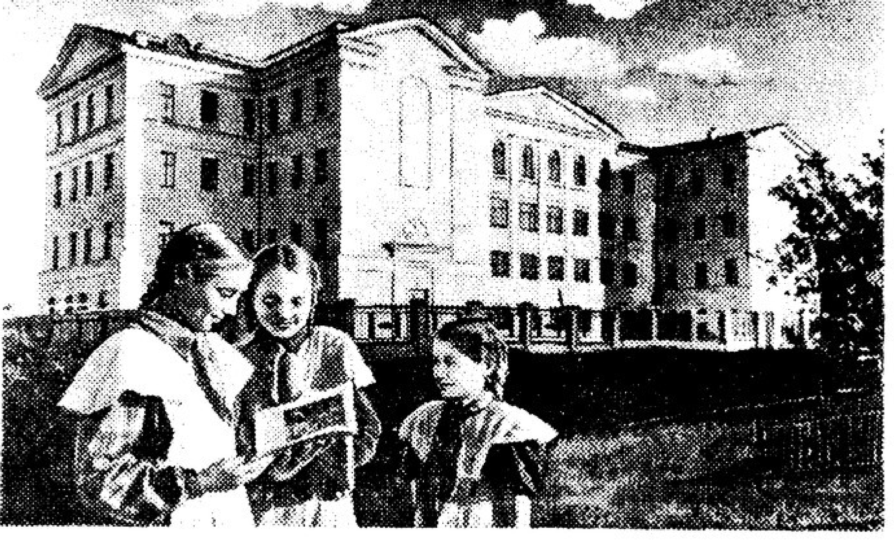
Работники кинопередвижек показывают фильмы хлопкоробам, животноводам, находящимся на высокогорных пастбищах Сусамыра, Кара-Куджур, Сон-Куль, Арпа, Аксай. На Сусамыр доставлена аппаратура для демонстрации фильмов при дневном свете.

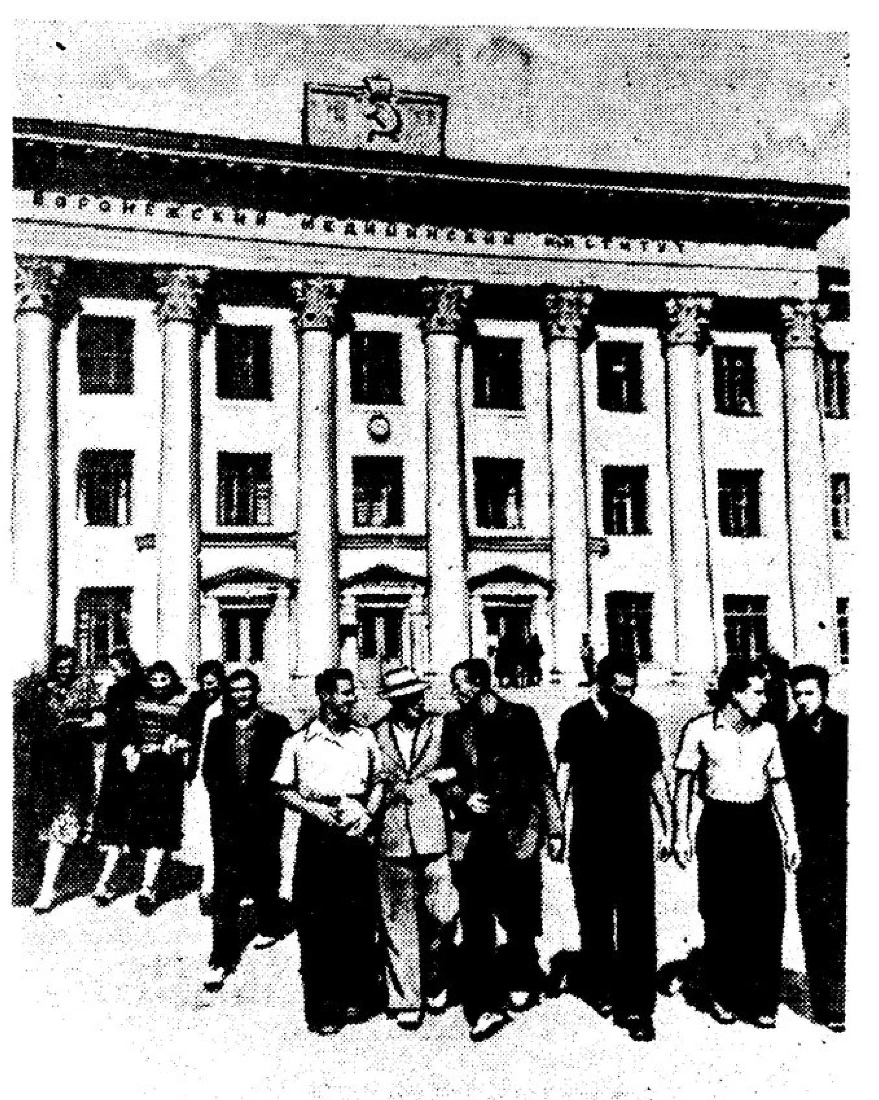
За последние три с половиной года киноработники республики дали 310 тысяч сеансов. Фильмы посмотрели 26 миллионов человек. Среди картин, дублированных на киргизский язык, — «Незабываемый 1919 год», «Клятва», «Падение Берлина», «Сталинградская битва», «Сельский врач», «Кубанские казаки» и другие.

г. ФРУНЗЕ.
(Наш корр.).

Старинный русский город Воронеж — в лесах новостроек. Возводятся светлые жилые дома, клубы, учебные заведения. Ежегодно здесь сдаются в эксплуатацию десятки тысяч квадратных метров жилой площади. НА СНИМКАХ — новостройки Воронежа: 1. Новое здание на проспекте Революции. 2. Жилые дома на улице Плеханова. 3. Школа на улице 27 февраля. 4. Здание медицинского института.

Фото С. Васина и М. Евстратова

Нат. СОКОЛОВА,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ЛИНИЯ РОСТА

Женщина поднялась по крутой лестнице, с опаской ставя ноги на железные гулкие ступени, и вошла к начальнику цеха, не постучавшись:

— Давайте увольнительную. Не буду я у вас работать. Не хочу и не буду. Не заставите.

— А мы никого и не заставляем.— Начальник термического цеха Кожушко поднял голову: — Постой. Ты когда оформлялась? — Она не поняла.— Который день у нас работаешь?

— Третий день.

— Что и говорить, стаж солидный.

— Уйду в другой цех. Не могу я. Не подходит мне это.— Женщина сдвинула со лба низко повязанную косынку, сбила ее на затылок, и стало видно, что она совсем молоденькая и, пожалуй, миловидная. Точнее, была миловидной, пока жизненные обстоятельства не сделали ее такой, как теперь: равнодушной к себе, с непричесанными волосами.— За квартиру надо платить? А если за ребенка вносить надо? А ведь одна с ним. Мне без премиальных нельзя...

— Премиальные будешь получать. Тебе ведь объяснял мастер.

Тень хмурой недоверчивости легла на ее лицо, старя его.

— А девчата у проходной давеча сказали: только кто у станка, тому премиальные полагаются.

— Наговорили уже? — Усмешка осветила смуглое суровое лицо молодого начальника цеха: — Что ж, раз ты мастеру не веришь, мне не веришь, а веришь девчатам у проходной... Иди в отдел кадров, дело твое.

— Не хочу я цех подметать! — закричала она, прижимая кулаки к ситцевой кофточке, заколотой булавкой.— Мне бы хоть детали какие возить. Нанимаете разнорабочую, а нужна уборщица. Так бы и говорили. А на уборщицу я не согласная. Отпустите в цех шасси, меня к станку поставят, получу специальность.

— Так и будешь скакать из цеха в цех, искать молочные реки, кисельные берега? Учиться надо,— сказал Кожушко резко.— Поняла?

— Не у всех есть возможность. Зачем мне учиться?

— У нас есть матери-одиночки, у ванн гальванических теперь стоят, а начинали так же, как и ты,— от метелки.

Она слушала с угрюмым, непроницаемым лицом.

— Ну ладно, обожду. До первой получки.

Низко, на брови, спустила платок, затянула на затылке тугой узел. И неловко, боком вышла из комнатки, притворив за собой легкую дверь.

— Видали? — Лицо Кожушко приобрело новое для меня, печальное и чуть насмешливое выражение.— Обманул ее какой-то негодяй, так, от нечего делать. Вот она теперь от всех и каждого ждет обиды. И жизни не видала, а воображает, что жизнь кончена...

Он задумался. Сквозь тонкую стену было хорошо слышно, как та, которую он жалел, спускалась по железным ступеням в цех.

— Да, попадает к нам разный народ. Придет вот такая — до завода дела нет, ей бы только работу повыгоднее да чтобы после смены не задерживали. А через полгода, год, смотришь,—приоделась, выпрямилась. Гордость рабочую имеет, понимает и права свои и обязанности, дорожит цеховым товариществом. Рабочий класс! Поднимется сюда и как начнет требовать, так рад не рад, а бумажку для ее бригады быстренько подпишешь.— Кожушко рассмеялся коротким, почти неслышным смехом, белые ровные зубы блеснули, оттеняя смуглый тон загорелого лица, и погасли. Закончил он серьезно, почти торжественно: — Растет завод!

Минский автозавод дает стране большегрузные машины с хромированным металлическим зубром на радиаторе; он является одним из крупнейших в Европе заводов по этому классу автомобилей.

В первые дни работники будущего автозавода (их насчитывалось десятка три) попросили «заимообразно» у минских руководителей хотя бы трех инженеров и получили ответ: «И одного дать не можем. Город в развалинах, везде кадры нужны. Растите их сами. А мы потом у вас позаимствуем». И верно, в нынешнем году автозаводцы отдали для постоянной работы в МТС пятьдесят коммунистов, работников с техническим образованием. Отдали — и не обеднели.

За немногие годы не только выросли просторные высокие коробки цехов, — сложился многотысячный коллектив рабочих и специалистов, сформировался новый отряд рабочего класса. Пришли люди, обучились, спаялись, полюбили этот край, пустили корни. Поженились, выписали из родных мест сестер, братьев, друзей, те в свою очередь обзавелись семьями. Ребятишек теперь тут множество,—белоголовые, темноволосые, они роятся в высокой траве, которая растет в садиках перед домами, бегут к проходной встречать людской поток, провожают отцов на работу.

Фактически рядом с Минском создан новый город с многочисленным населением, с парками, клубами, магазинами, поликлиниками, школами. И свел людей вместе, сдружил их, привязал накрепко к этой земле труд.

— А я ведь тоже цех подметал, — говорит Кожушко.— С этого и начинал свою заводскую жизнь.

Леонид Кожушко ушел на фронт, сдав последний экзамен за десятый класс, и только в 1946 году снял погоны. За это время отец и мать умерли, родного гнезда не стало, так что он, собственно говоря, и не знал толком, куда ему ехать, где обосноваться. Сошел в Минске повидаться с братом. Перед отъездом из города решил посмотреть, как выглядит строящийся автозавод. Встретили его на заводе хорошо, «хитро встретили», как выражается Кожушко (так встречали всех демобилизованных фронтовиков), — дали пропуск, разрешили ходить по цехам и смотреть.

Кожушко видел завод первый раз в жизни, все для него ново. Забрел он в небольшое временное помещение, где тогда производили термическую обработку, и позыв горячего цеха властно затронул сердце артиллериста. Здесь было царство высоких и сверхвысоких температур, кипящих, подернутых коркой, растворов солей с пробивающимися синеватыми языками пламени, царство огня и раскаленного светящегося металла, которому люди, то резко охлаждая его, то снова нагревая, придавали твердость, стойкость, меняя его первоначальные свойства.

— Оформился я учеником калильщика. Бывало, мастера кончат работу минут за десять до гудка, — вспоминает Кожушко,— моют руки, а я берусь за метлу и подметаю цех. За первые полмесяца получил что-то пятнадцать рублей — память об этом до сих пор в партбилете сохранилась. Печи у нас тогда были маленькие, несовершенные, всего две. Но я понимал, что не век так будет,— цеху расти, а вместе с ним и мне. Полюбил я термообработку сильно. Дело это сложное, немало в нем тонкостей, секретов, многое зависит от человека, от его умения, старательности, чутья, смекалки. Нужно деталь выдерживать при температуре 1 300 градусов, а 1 320 для нее уже смерть, потому что это температура ее плавления. Ошибся — потом ничем не поправишь свою ошибку! Станешь вынимать крючки, а они пустые: детали твои поплыли, расплавились...

Да, крутой получился поворот в жизни старшего лейтенанта Кожушко. Завод только рождался на опаленной боями белорусской земле. Электричества в тот первый послевоенный год не было — ТЭЦ еще строилась. Кругом — развалины, пепелища сожженных оккупантами сел. Сообщение с городом, особенно зимой, нерегулярное — не хватало автобусов.

Трудновато было с жильем, в комнате общежития, где обосновался Кожушко, жило шестнадцать человек. Единственный плохонький клуб не мог вместить всех желающих. Бывали драки, хулиганские выходки. Где-то по углам хоронились темные элементы, те, что не успели уйти с врагами, пускали в ход ножи, бритвы, припрятанное огнестрельное оружие. Слабые духом, случалось, запутывались, — пропивали получку, проигрывали в карты обувь, спецовку, казенные простыни, прогуливали. Это единицы. Но ведущим, массовым было другое — хорошее, светлое, крепнущее, набирающее сил. Росли дома, один за другим вступали в строй цехи, все слышнее становился голос коллектива.

Что было дальше в жизни Кожушко? Начал учиться в вечернем техникуме. Бригадир. Мастер. Получил комнату. Старший мастер. Полюбил. («Девушку с завода?» — «Да, конечно»). Женился. («Была у нас тогда «эпидемия» браков»). Защитил диплом. Перешел вместе с коллективом в новый только что отстроенный термический цех. Заместитель начальника цеха. Родился сын. (Шутливая перебранка на профкоме: «Вы бы, черти, подождали обзаводиться ребятишками, поскольку мы новые дома на Могилевском шоссе еще не сдали в эксплуатацию». — «Ничего, обзаведемся ребятишками, так вы, небось, побыстрее сдадите»). Окончил двухгодичный вечерний университет марксизма-ленинизма. Дали квартиру. Теперь — начальник цеха...

В рассказ о личном, об индивидуальной судьбе естественно вплетается общее, то, что касается завода, поселка, — зажглись лампочки, вступил в строй красавец-цех, отстроили школу, зазеленели липки. Большая судьба завода определяет собой судьбу человека, семьи.

И с другой стороны, право же, неполной будет история Минского автозавода, если изъять из нее все это—и «эпидемию» браков, и обязательный вечерний волейбол в сосновой рощице, что осталась невырубленной по соседству со зданием заводоуправления, и читательскую конференцию по книге Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома», и четырехлетнего Кожушко, в метрике которого написано: «Место рождения — город Минск» и который всякого, кто собирается выйти на улицу, спрашивает: «Уходишь на завод?»

Кожушко-отец пожимает плечами: что еще рассказывать, все, в общем, как у людей... И в каком-то смысле он прав. Действительно, если брать «анкетные данные», то почти один и тот же рассказ, различающийся только в деталях, вы можете услышать тут на заводе сотни и сотни раз, независимо от того, пришел ли паренек из ремесленного училища или из армии, из белорусской или среднерусской деревни.

У всех — линия роста вверх, динамика от менее квалифицированной работы к более сложной, творческой, дающей большее удовлетворение; от временного неустроенного быта—к оседлому существованию, к лучшим бытовым и материальным условиям, причем людям хочется, чтобы завтра работалось и жилось еще интереснее, еще лучше,— потребности, запросы растут.

Уже тесноват новый клуб; и хотя он хорошо оборудован, но внешняя отделка не радует глаз. Очень трудно достать хорошие книги — они сюда редко попадают, в частности, нет книг для детишек. В мебельном магазине ничего стоящего не достанешь, завозят дешевые, аляповатые шкафы, крашенные коричневой краской.

— Пора филиал института при заводе открывать, — высказывает свои претензии Кожушко.— Через техникум уже многие перешагнули, надо двигаться дальше. А то будут застаиваться люди. Да и какой же это настоящий завод, если без своего вечернего вуза? — говорит он убежденно.

Мы идем по цеху. Я смотрю на опрятную, по фигуре сшитую спецовку Кожушко, из-под которой выпростан белый воротничок, свободно охватывающий загорелую шею, на всю его организованную, ладную фигуру. Есть привычное для нас всех выражение — без отрыва от производства. Без отрыва от заводской почвы, питаясь ее соками, Кожушко стал тем, чем есть, — интеллигентом, человеком, отвечающим за судьбу целого коллектива, руководителем сложного многоотраслевого хозяйства крупного цеха. Завод и сейчас воспитывает его — учит, поправляет, помогает избавиться от излишней горячности, в которой иногда бывает повинен молодой начальник цеха, щедро дарит творческими радостями, случается, взыскивает за ошибки.

Заходим в гальваническое отделение. Здесь детали, погруженные в растворы, под действием электротока получают покрытие — хромовое, цинковое, которое сделает их более устойчивыми против коррозии. Кожушко вынимает из ящика эмблему завода — готового, только что отхромированного металлического зубра.

— Зубр из Беловежской пущи. Куда бы машину судьба ни занесла, всякий посмотрит и узнает, что сделана она у нас, в Белоруссии.—Он ловит сам себя на этом слове и усмехается: — Ведь я саратовец. А вот сказать: «У нас в Саратове»,—как-то уже не выговаривается, отвык.—Он оживленно рассказывает: — Знаете, мы на первых порах кое-какие квалифицированные кадры получили с других заводов — поделились с нами старшие братья. Тогда можно было в цехах услышать: «У нас на ГАЗе так не делали», «У нас в Москве эту поверхность обрабатывают так-то». А теперь мастер говорит новичку: «Учти, у нас на Минском зачищают вот таким образом». Складываются свои производственные традиции...

И начальник цеха бережно кладет обратно зубра — одну из сотен тысяч деталей, которая поступила вчера из прессового цеха, из отделения легких прессов, а сегодня уйдет на главный конвейер.

Уходя, оглядываюсь. В углу — знакомая фигура, та самая молодая мать, которая давеча требовала от Кожушко, чтобы он отпустил ее из цеха. Прижав кулаки к ситцевой кофточке, напряженно сдвинув светлые брови, она внимательно, словно силясь все разом понять и запомнить, смотрит на детали — тускло-серые под слоем цинка, глинисто-рыжие после покрытия медью, черненые после оксидирования, смотрит на ванны с электролитами, смотрит на женщин, которые неторопливо, с привычной уверенностью работают у ванн.

МИНСК

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

„Проблема“ очков

Встречалось ли вам видеть близорукого человека, потерявшего очки? Беспомощность написана на его лице. Он щурится, улыбается: «Вот как худо, мол, без привычных стекол». Однако он не испытывает еще растерянности. Ближайшая аптека, ближайший оптический магазин помогут устранить временную неприятность.

Но в первом же аптекарском магазине ему сообщают — очков нет. В оптическом магазине он слышит то же самое. Через час он убеждается, что в городе нет никаких оправ для стекол. Его уже охватывает страх. Что делать?

С этим вопросом мы обратились к заведующему главной оптической мастерской Днепропетровского областного аптекоуправления. С этим вопросом обращаются в аптеки, оптические магазины сотни граждан. На улице имени Ширшова, в главной оптической мастерской, мы наблюдали печальную сцену. Десятки горожан, колхозников, приехавших из отдаленных районов, потрясали рецептами окулистов.

— Дайте мне любую оправу, — просит пожилой колхозник. — Если нет роговых очков, дайте железные.

— Помните басню Крылова? — острит кто-то.— «Очков с полдюжины себе она достала...». Попробовала бы она это сделать в Днепропетровске.

С тяжелым чувством направляетесь вы на Артемовскую улицу, в палатку, где рядом с часовым мастером сидит оптик — представитель райпромкомбината Октябрьского района города Днепропетровска. Он может пообещать вам вырезать из плексигласа оправу. Срок — месяц. Работа грубоватая, дороговатая, но что поделаешь...

А. БЫЛИНОВ

ДНЕПРОПЕТРОВСК

От редакции. Публикуемое сегодня письмо писателя А. Былинова — не первый сигнал о неблагополучии с производством стекол и оправы для очков.

Достаточно ознакомиться с ежедневной почтой, поступающей в одну лишь московскую областную оптическую мастерскую, чтобы убедиться, насколько серьезны претензии тысяч советских людей, нуждающихся в очках, к предприятиям, которые занимаются производством линз и оправ, к Главному управлению медицинской промышленности Министерства здравоохранения СССР.

Заместитель начальника Главмедпрома министерства тов. А. Игошин, к которому обратился наш корреспондент, согласился, что существующее производство линз никак не может удовлетворить потребности нуждающихся в очках, признал, что в Главном управлении известно о жалобах на плохое качество оправы для очков. Однако тов. Игошин ничего не мог сказать о конкретных мерах, которые должны быть приняты в ближайшее же время для удовлетворения законных требований советских людей, желающих приобрести высококачественные очки. Странная близорукость! Главмедпром ничего не предпринимает для расширения имеющихся в его распоряжении оптико-механических заводов и мастерских. Они, как правило, на положении пасынков — не имеют подходящих помещений, лишены необходимого сырья. Министерство здравоохранения СССР должно навести порядок в производстве очков.

В половину мощности

В этом году одна из крупнейших столичных типографий—«Красный пролетарий» заменила свои старые типографские машины на новые, более совершенные. Эта реконструкция значительно увеличила мощность нашего предприятия.

Однако горько было разочарование работников типографии, когда мы убедились, что полностью использовать установленное мощное оборудование не представляется возможным: новые ротационные машины не обеспечиваются печатной бумагой требуемой ширины рулона в 92 сантиметра. Дело в том, что предприятия Министерства лесной и бумажной промышленности СССР выпускают бумагу этого формата в ограниченном количестве, а Главное управление издательств, полиграфической промышленности и книжной торговли Министерства культуры СССР не учитывает в своем планировании возросших нужд типографии.

Мы считаем недопустимым неудовлетворительное использование дорогостоящего и высокопроизводительного печатного оборудования. Оно не должно простаивать. Бумажная промышленность имеет полную возможность выпускать в большем количестве бумагу нужного нам размера.

А это поможет полнее удовлетворять потребность народа в книге.

Директор типографии С. ГУСЕВ,
секретарь партбюро А. АРЯСОВ,
председатель фабкома К. АЛЕКСЕЕВ

ДРУЖБА КОМБАЙНЕРОВ

Когда комсомолец Леонид Лутковский, комбайнер из станицы Северской, Краснодарского края, прибыл в латышскую сельхозартель «Циня», он сказал обступившим его колхозникам:

— Второй урожай приехал убирать!

Первый урожай водитель самоходного комбайна снял с кубанских полей.

Вместе с Л. Лутковским на поля Латвийской ССР прибыло пятьдесят кубанских комбайнеров. Среди них механизаторы Темрюкской, Ново-Величковской, Троицкой и других МТС. Гостеприимно встретили кубанцев в латышских колхозах. Самоходный комбайн Леонида Лутковского мы увидели на пшеничном массиве. Рядом с Леонидом находился его здешний помощник — восемнадцатилетний Аркадий Цингель. Он внимательно присматривался к каждому движению опытного комбайнера. Кубанец с большой охотой обучает латышского паренька. Вместе со своим помощником он скашивает по 8—9 гектаров в смену.

С каждым днем крепнет дружба латышских и кубанских механизаторов. Многие комбайнеры выступают перед колхозниками Латвии с лекциями об опыте передовых водителей страны, об успехах передовых колхозов Кубани.

НА СНИМКЕ: кубанский комбайнер Леонид Лутковский (слева) и его помощник латыш Аркадий Цингель убирают пшеницу в колхозе «Циня».

Фото И. СЕМИНА

ФЕЛЬЕТОН

Слово имеет...

Идет собрание. Председатель говорит: «Слово имеет товарищ такой-то, приготовиться товарищу такому-то...»

Кому из нас не знакомо волнение, вызываемое этими словами?.. Вам предложено приготовиться к выступлению. Значит, нужно собраться с мыслями, воскресить в памяти тезисы и те заранее заготовленные ораторские «изюминки», которые, несомненно, украсят, сделают сильной и выразительной речь.

И вот вы уже возвращаетесь с трибуны. Вам аплодируют горячо и щедро. Это значит, что вы выступили хорошо, толково, со знанием дела.

Между тем председатель предлагает приготовиться очередному оратору, и вы видите, что этот очередной оратор ни капли не волнуется.

В самом деле, чего ему волноваться?.. Хлопотное дело изготовления его страстной и глубоко принципиальной речи было поручено личному референту.

Речь для докладчика подготовлена. За него сделали буквально все — подобрали факты, нашли подходящие слова, даже остроты. В итоге — все чужое, все, даже знаки препинания, и те чужие. Своим остается лишь исполнение, так сказать, дикторская работа.

Спору нет, красноречием люди наделены по-разному. Если человек открыто и мужественно признается: «Не мастер я выступать», — пожалуйста, пусть на доброе здоровье читает свою собственную речь по бумаге, ничего в этом нет зазорного.

Но мы хотим сказать о другом.

От года к году растет культура советского общества. Рабочие пишут книги, в которых делятся своим опытом. Вчерашний комбайнер, ныне кандидат сельскохозяйственных наук, занимается со студентами на опытном поле академии. Телятница из совхоза «Караваево» и фрезеровщик Уралмашзавода в беседе с крестьянами Венгрии, с рабочими нового Китая увлекательно и ярко рассказывают о своей жизни и работе. Они говорят просто, своими словами.

Так зачем же писать за ораторов?

Довелось нам как-то с группой писателей побывать в одном клубе. Официальная часть, после которой должно было состояться выступление писателей, закончилась. Сцена опустела. На столе, за которым только что усердно заседали, остались пустые графины, обрывки бумаги, председательский колокольчик и брошенный за ненадобностью некий, поистине необыкновенный документ.

Он был напечатан на машинке на большом листе бумаги заглавными буквами. Каждая фраза в нем начиналась с абзаца:

«— Товарищи! Общее собрание объявляю открытым.

— Товарищи! У кого будут какие предложения по составу президиума?

— Пожалуйста. Слово для предложения имеет товарищ Мячкин...

— Кто за этот состав президиума, прошу поднять руку. Прошу опустить. Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет. Принято единогласно.

— Названных товарищей прошу занять места в президиуме. Прошу, прошу, товарищи...

— Слово для доклада предоставляется директору товарищу Голосистову Ивану Фомичу.

— Товарищи! Есть предложение сделать десятиминутный перерыв. Нет возражений? Объявляю перерыв на десять минут.

— Товарищи! Продолжаем нашу работу. Первым слово имеет...

— Товарищи, поступило предложение не курить в зале.

— Критика без фамилий не критика, называйте фамилии, тут люди свои.

— Товарищи, я думаю, что выражу общее мнение, если внесу предложение прекратить прения. Только проголосуем. Кто за? Прошу опустить. Кто против? Нет. Принято единогласно.

— Товарищи, на этом общее собрание объявляю закрытым».

Перед нами был законченный образец шпаргалки — «секретного оружия» безнадежного двоечника.

Мы живо представили себе председателя. «Кто за?» — спрашивал он, не поднимая глаз. «Кто против?» — вопрошал он в соответствии с написанным текстом. «Единогласно!» — заключал он, уткнувшись в свою шпаргалку.

Если это единственное в своем роде сочинение было создано самим председателем, —автор достоин осмеяния. Если же (страшно подумать!) председателю помог опекун и написал для него эту «партитуру»,— стыдно за обоих: и за автора, и за исполнителя.

На хозяйственном активе в Ленинграде в числе других ораторов выступил знатный токарь-скоростник, трудовая слава которого перешагнула границы родного города. Токарь читал свое выступление по бумажке. Аудитория равнодушно внимала излишне обтекаемым оборотам речи выступавшего. А потом произошло вот что. Исчерпав текст, уместившийся на бумажке, оратор оживился и произнес:

— Теперь, товарищи, я от себя скажу...

В зале раздался дружный смех. И аудитория, захваченная хорошей, хотя и не безупречно гладкой речью, проводила его шумными рукоплесканиями.

Мы далеки от намерения славить краснобайство. Все мы легко отличаем серьезную, дельную речь от внешне эффектного, порой даже блестящего пустословия.

Речь-полуфабрикат произнести нетрудно. Труднее хорошо подготовиться, основательно продумать и изложить ее своими словами. Может статься, что в этой речи будет больше, чем нужно, вводных слов и придаточных предложений. Но это не беда.

Мы не должны терять вкуса к слову, к непосредственному, живому общению с аудиторией. Конечно, нужно, чтобы оратор тщательно готовился к своему выступлению. Текст речи, отпечатанный на машинке, — надежное подспорье, но мы за речь без бумажки. Мы за речь «от себя».

Год назад, в день открытия Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина, на одном из митингов на трибуну поднялась девочка-пионерка. Огромная толпа, стоявшая на пристани, увидела, что в руках у девочки нет текста речи. Она начала говорить негромко и задушевно, и вдруг случилось то, что случается и с более взрослыми ораторами,—девочка забыла, что она собиралась сказать еще...

Наступила пауза. Тысячи людей, ободряюще улыбались и терпеливо ждали. И тогда один из писателей, стоявших на трибуне рядом с пионеркой, решил помочь и шепотом подбросил ей стандартную фразу.

Девочка рассеянно взглянула на подсказчика и сказала:

— Нет, дядя, я не это хотела сказать!..

Голос ее, усиленный динамиками, услышали все. Все засмеялись, писатель заметно смутился, а девочка тем временем вспомнила, что она хотела сказать, и благополучно закончила свою короткую речь.

Все мы помним скромную, даже чуть извиняющуюся фразу Алексея Максимовича Горького, обращенную к аудитории:

— Я не оратор...

Фраза эта была вполне искренней, но вслед за ней аудитория, затаив дыхание, услышала вдумчивую, замечательную горьковскую речь.

Может, и в самом деле не было в этой речи так называемого «ораторского блеска», но, богатая мыслями, она легко и безошибочно находила путь к сердцу слушателей. Это была речь, которую нельзя забыть.

«Слово—полководец человечьей силы», — образно и очень точно сказал Владимир Маяковский.

Товарищи! Собрание продолжается. Вы выступаете следующим. Говорите от себя! Своими словами!

Борис ЛАСКИН

В МИРЕ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

СВЕТ И ЖИЗНЬ

Из года в год, почти в одно и то же время, прилетают и улетают многие птицы, желтеют и опадают листья на деревьях. И перелеты птиц и осенние листопады — все это проявления сезонности в жизнедеятельности животных и растений.

До недавнего времени наука не знала, какое из условий внешней среды, определяющих сезонность жизнедеятельности, является ведущим. Похолодание? Но тогда загадочной оказывается остановка роста растений или наступление покоя у насекомых задолго до зимних холодов.

Из всех условий существования одно в течение года изменяется наиболее закономерно. Это длительность светлых и темных периодов суток, обусловленная постоянством орбиты, наклона оси и скорости вращения Земли. Естественно предположить, что изменение длительности дня и ночи и является тем фактором, который как бы «предуказывает» многим организмам время, когда они должны начать готовиться к предстоящей зиме или лету.

Высказанные великим русским биологом К. А. Тимирязевым мысли о биологической роли длительности светлого времени суток подтверждены работами советских и иностранных ученых.

Опыты показали, что у растений от длительности дня и ночи зависит образование цветов и плодов, интенсивность роста, образование крахмала и органов, в которых он откладывается,— клубней, корневищ, луковиц. От этого зависят и форма, величина и количество листьев, и характер развития стеблей и корневой системы, и образование обычных или ветвящихся метелок (например, ветвистых метелок у пшеницы), и морозо-, жаро- и засухоустойчивость, а также другие физиологические свойства и особенности строения растений.

В зависимости от того, как сказывается влияние фотопериода, т. е. длительность светлого времени суток, растения и животные могут быть разделены на три основные группы: длиннодневные, короткодневные и нейтральные.

У длиннодневных организмов половое размножение ускоряется при удлинении и задерживается при уменьшении светового дня.

У короткодневных организмов эти процессы ускоряются при уменьшении и, напротив, задерживаются при удлинении дня.

Можно указать на некоторые общие закономерности, связывающие процессы размножения и длительность дня. Прежде всего имеет значение **непрерывность** периодов темноты и света. Например, если во время развития короткодневного растения период темноты прерывается хотя бы на несколько минут, то растение не зацветет в положенные сроки.

Каков же физиологический механизм восприятия света? Советские исследователи М. Х. Чайлахян и Б. С. Мошков установили, что у растений местом восприятия является лист, в котором возникают определенные вещества, дающие как бы «затравку» процессам, приводящим к цветению. У позвоночных животных длительность светового дня воспринимается глазом. Оттуда возбуждение по нервным путям попадает в головной мозг и как бы концентрируется в его подбугорной области, тесно связанной с гипофизом (мозговым придатком, лежащим у основания головного мозга). В передней доле гипофиза образуются гормоны, стимулирующие рост, деятельность половых желез, выделение молока, работу щитовидных желез и гормональную деятельность коры надпочечников. Поэтому от подбугорной области мозга зависят различные функции организма.

Зная, как изменяется деятельность организмов под влиянием фотопериодических условий, можно сознательно применять свет для направленного воспитания организмов.

Работами советского ученого В. Ф. Ларионова на этой основе раскрыта взаимосвязь между кладкой яиц и линькой птицы и зависимость обоих этих процессов от длительности светового дня. При обычных условиях освещения куры яйценоских пород несутся в течение 8—9 месяцев, а 3—4 месяца линяют. Создав соответствующие условия освещения, В. Ф. Ларионов сократил период линьки на 1 месяц и на такой же срок продлил период откладки яиц, благодаря чему количество яиц, откладываемых курами, было увеличено на 15 процентов.

Большое практическое значение имеют начатые несколько лет назад опыты советских исследователей Д. К. Беляева, Г. А. Кузнецова и других с серебристо-черными лисицами, типичными длиннодневными животными. Подбором соответствующих условий освещения удалось получить вместо одного два поколения лисиц в год и ускорить образование зимнего меха на 40—55 дней.

Опытами Д. К. Беляева над соболями показано, что если в зимнее время путем дополнительного освещения в темные часы суток удлинить световой день, то можно на 2—3 месяца сократить период беременности у этих животных. Резко сократить период беременности и получить два поколения в год удалось также у куниц, у норок, у енотов. Укорачивая световой день для овец, типично короткодневных животных, можно увеличить количество шерсти на 15 процентов.

Перед советской наукой стоят задачи изучить влияние света на рост молодняка и удойность крупного рогатого скота, на рост и плодовитость свиней, на образование шерсти у тонкорунных овец, на рост жеребят, молочность кобыл и физиологическое состояние взрослых лошадей. Предпосылкой для этого является внедрение прогрессивной стойловой системы содержания животных и электрификации сельского хозяйства. Есть все основания полагать, что, изменяя длительность светового дня, можно будет значительно увеличить выход молока, шерсти, сала, мяса.

Свет с успехом можно использовать также и в борьбе с насекомыми и клещами, вредящими парниковым и тепличным культурам. Так, П. В. Бондаренко показал, что световые условия, в которых опасный вредитель парниковых культур — обыкновенный паутинный клещик — переходит в неактивное состояние, одновременно увеличивают урожайность огурцов. Следовало бы изучить, например, какие световые условия наиболее благоприятны для образования шелка, для повышения плодовитости тутового шелкопряда. На этом объекте такие исследования провести очень легко, так как выкормка гусениц, как правило, происходит в помещениях.

Словом, работы по фотопериодизму следовало бы вести с большей интенсивностью. Институты Академии наук СССР и Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина должны взять на себя разработку этой важной научной проблемы и организовать широкие опыты.

А. ЭММЕ,
кандидат биологических наук

История Гатчины

Гатчина — один из красивейших пригородов Ленинграда. Живописные, богатые растительностью и озерами гатчинские парки — лучшие образцы русского садово-паркового искусства.

В создании гатчинских парковых сооружений принимали участие русские зодчие Баженов, Захаров, Львов, талантливые мастера-самоучки Кирьян Пластилин, Ефим Петров, Иван и Михаил Ивановы (дед и отец композитора М. Ипполитова-Иванова). В Гатчине жили и работали многие видные деятели русской культуры: Глазунов, Балакирев, Ипполитов-Иванов, Глеб Успенский, Куприн, Ушинский, Боткин, Чигорин и другие. Гатчинскую военно-авиационную школу окончил знаменитый летчик Нестеров.

Обо всем этом рассказывают многочисленные экспонаты недавно открывшейся постоянной выставки «История города Гатчины и парков».

Специальный зал посвящен современной Гатчине. В войну гитлеровские захватчики варварски разграбили и сожгли дворец, разрушили многие городские здания. В послевоенные годы восстановлены и вновь построены десятки жилых домов и промышленных предприятий, проведены большие работы по реконструкции и озеленению улиц. В городе имеются Дом культуры, кинотеатр, 14 стационарных и 24 передвижных библиотеки, Дом пионера и школьника, различные учебные заведения. Гатчинские парки вновь стали излюбленным местом отдыха ленинградцев.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ВЫВОДОВ НЕТ. ЕСТЬ ПРОСЬБА...»

Под таким заголовком в № 64 «Литературной газеты» был опубликован фельетон, в котором критиковалось недостойное поведение некоторых жильцов коммунальных квартир.

Редакция получила большое количество писем, в которых приводились и другие факты нарушения норм социалистического общежития.

Заместитель начальника Фрунзенского райжилуправления гор. Москвы тов. Будницкий сообщил редакции, что фельетон обсуждался на совещании управляющих домами и в комиссии содействия дома № 2 по Фрунзенскому плацу. В квартире № 85 снята самовольно установленная параллельная электропроводка. Управляющие домами приняли меры по наведению порядка в коммунальных квартирах. Жильцы единодушно осудили поведение нарушителей правил социалистического общежития.

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

УБРАТЬ ПРЕГРАДЫ МЕЖДУ ДРАМАТУРГОМ И ТЕАТРОМ

Редакционная статья «Убрать все преграды между драматургом и театром» (№ 65 от 2 июня), поднимающая вопрос о восстановлении творческих связей между театрами и драматургами, об активности и самостоятельности театров в репертуарной политике, вызвала широкие отклики театральной общественности — режиссеров, актеров, драматургов, зрителей.

Правильно организованная система руководства государственных органов театрами, контроля за репертуаром направляет их творчество по наиболее плодотворному пути, погомает повышать идейно-художественный уровень театрального искусства. Однако на практике, как указывают авторы откликов, творческое руководство, контроль часто подменяются мелочной опекой, нормальному процессу создания репертуара мешают искусственно воздвигаемые бюрократические рогатки.

Решительно устранять формализм, элементы бюрократизма в работе органов искусств — это значит укреплять подлинно творческое, действенное и гибкое руководство театрами.

«Дело не в том, что кто-либо запрещает театрам работать с автором над новой пьесой или сознательно этому препятствует,— пишет в редакцию главный режиссер Ленинградского театра имени Ленинского комсомола **Г. Товстоногов.**—Дело в том, что никто по-настоящему не помогает совместной творческой работе театров и драматургов по созданию полноценного репертуара.

Пассивность театра в подготовке репертуара—явление непонятное, недопустимое. Но оно существует. Театры обречены на пассивность уже тогда, когда они месяцами ждут от репертуарно-редакторского отдела Управления театров разрешения начать работу над спектаклем. Прошло, например, уже больше четырех месяцев с тех пор, как наш театр направил в репертуарно-редакторский отдел пьесу Ю. Принцева «Они были первыми!..» Пьеса написана по договору с театром, одобрена ленинградским Управлением по делам искусств. Однако ответа из Управления театров до сих пор нет никакого, и коллектив не может приступить к работе над спектаклем».

Созданию обширного и интересного репертуара, продолжает Г. Товстоногов, мешает и тот параллелизм, который возник в работе с автором. Если даже автор работает только с одним театром (а лишь такое положение может считаться нормальным), то он все равно параллельно должен выполнять указания и замечания редактора репертуарно-редакторского отдела. А замечания эти во многих случаях противоречат требованиям, которые выдвинуты театром.

Недавно Киргизский театр драмы поставил новую пьесу драматурга Токтоболота Абдумомунова «Тар Капчигай». Работа над первоначальным вариантом проходила в тесном содружестве автора и театра. После значительных доработок пьеса была одобрена коллективом и попала в республиканское Управление по делам искусств. Здесь автор получил множество новых указаний, по которым заново переделал произведение. Пьеса вернулась в театр. Но тут с огорчением обнаружили, что после второй переработки из нее исчезли многие художественно выразительные сцены, потускнели образы героев. Автору (в который раз!) пришлось снова браться за пьесу, восстанавливать многое из того, что было вытравлено.

Об этом факте сообщили редакции главный режиссер Киргизского театра драмы **И. Боров**, драматург **Кубанычбек Маликов**, народный артист Киргизской ССР **Муратбек Рыскулов.** Они указывают на многочисленность инстанций, призванных осуществлять контроль над репертуаром. «Инстанции эти, — говорится в письме из Киргизии, — не столько помогают драматургу, сколько создают ненужные преграды, а иногда и просто отбивают у автора желание продолжать работу. Наглядным примером этому может послужить бесплодная работа поэта Аалы Токомбаева над пьесой «Вечная дружба». Эта пьеса включена в репертуарный план еще в начале 1952 года, но до сих пор не показана зрителю».

О некоторых последствиях централизованного рассмотрения и распределения пьес между театрами пишет драматург **Б. Чирсков:**

«Может быть, самое большое зло этой системы в том, что она неизбежно приводит к утрате подлинной творческой атмосферы в работе автора над пьесой. Какое практическое значение имеет для автора обсуждение его пьесы в писательской организации, если все направление работы над ней и сама ее судьба в конечном счете решается в единственной инстанции — репертуарно-редакторском отделе Управления театров? Для значительного числа авторов именно здесь, а не в творческой среде писателей и работников театра, окончательно определяются замысел, трактовка образов, качество диалога пьесы».

«Система централизованной организации репертуара,— пишет далее Б. Чирсков,— парализует активность театров в работе над репертуаром. А ведь в театре, который не ищет и не выращивает близкого себе автора, незаметно утрачивается и накопленное мастерство режиссеров и актеров».

«У нас есть стремление найти свое репертуарное лицо, но это стремление наталкивается на серьезные преграды, — рассказывает главный режиссер Костромского драматического театра имени А. Н. Островского **В. Иванов.**—Так, с громадным трудом, больше двух лет добивались мы разрешения работать с местным драматургом В. Лебедевым над его пьесой «Островский». Пьеса, наконец, была поставлена, спектакль пользуется успехом. Но когда тот же В. Лебедев дал театру свою новую пьесу «Самолюбие», репертуарно-редакторский отдел ее решительно забраковал. Республиканское управление театров отнеслось к ней снисходительнее, указав пути доработки, однако в репертуар включить не разрешило. Но почему бы не довериться коллективу и не позволить ему потрудиться с драматургом?»

Об искусственных преградах, мешающих творческой работе театров, пишет в своем письме народный артист СССР **П. Молчанов** (Минск).

В работе с драматургами над созданием репертуара необходимо повысить самостоятельность театров, указывают авторы откликов на статью «Убрать все преграды между драматургом и театром». Только тогда будет возможно тесное содружество автора и коллектива, ставящего его пьесу.

«Сейчас же сотрудничество между театром и драматургом чаще всего носит характер юридического соглашения, — с сожалением констатирует главный режиссер Латвийского художественного театра драмы народный артист СССР **Эд. Смилгис.** — Нет общего творческого горения, не бьются сердца в едином ритме».

Конечно, было бы идеально, пишет **А. Суров**, если бы драматург приносил в театр совершенно законченную пьесу, сдавал ее в печать и начинал писать новую. Но так почти не бывает. Всегда коллектив театра найдет в произведении недостатки, выскажет свои пожелания. В театрах наших работают опытные режиссеры и актеры, которые могут и глубоко раскритиковать произведение и творчески его обогатить. Театры должны добиваться единой точки зрения с драматургом и отстаивать ее.

Касаясь вопроса о творческом лице театра, **А. Суров** говорит и об ответственности драматурга:

«Что-то случилось с нашими драматургами. Уж очень мы стали похожи друг на друга. Как-то стало таять, исчезать творческое своеобразие художника. Это серьезный порок, и винить здесь надо прежде всего не театры, которые якобы своим безразличным отношением к манере драматурга нивелировали нас всех, а виниться в первую голову надобно нам самим. Порок этот идет от однообразия и бедности используемых нами тем, от неширокого видения различных явлений жизни, от следования готовым схемам. Только обогащая и развивая индивидуальную манеру каждого драматурга, мы сможем добиться больших и серьезных успехов в создании полноценного репертуара театров, в создании жанрового богатства драматургии».

В многочисленных откликах, полученных редакцией, затрагиваются разные стороны обсуждаемой проблемы. Но вывод единодушен: назрела необходимость повысить права, ответственность и творческую инициативу театров. Это оживит работу театров, плодотворно скажется на развитии советской драматургии.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В БЕЛОРУССИИ

ПИСАТЕЛИ ВЫСТУПАЮТ С ДОКЛАДАМИ

В группе докладчиков при ЦК Коммунистической партии Белоруссии состоят писатели П. Бровка, М. Лыньков, К. Крапива, М. Танк, П. Ковалев, И. Гурский. Каждый из них неоднократно выезжал в колхозы республики с докладами на политические темы. Поэт М. Танк сделал четыре доклада для колхозников Ружанского района, Брестской области. П. Бровка, И. Гурский и П. Ковалев выступили с докладами в колхозах Полоцкой и Минской областей.

В ближайшее время писатели П. Ковалев и П. Глебка выедут в колхозы республики с докладами о решениях пятой сессии Верховного Совета СССР.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Отряд белорусских писателей-юмористов пополняется. Два года назад в белорусскую литературу пришел писатель А. Рылько. Его первая книга рассказов «Мои встречи», выпущенная Белгосиздатом в 1952 году, была тепло встречена и читателями и критикой.

Недавно секция сатиры и юмора ССП Белоруссии обсудила первый сборник юмористических рассказов М. Чаусского. С подробным разбором книги выступил писатель Я. Брыль.

КОЛХОЗНЫЙ БРИГАДИР — ПОЭТ

Шло совещание молодых писателей Белоруссии. На заседании поэтической секции с чтением своих стихов выступил Иван Шутько — колхозный бригадир сельскохозяйственной артели имени Кирова, Крупского района, Минской области.

Белорусские писатели помогли молодому поэту отобрать из всего написанного им тридцать лучших стихотворений, которые Государственное издательство БССР выпустит отдельной книжкой.

ОПАЗДЫВАЮЩИЙ ЖУРНАЛ

Журнал «Полымя» (орган ССП БССР) систематически опаздывает с выходом в свет. Редакция сдает в набор материалы, как правило, с большим опозданием. Из месяца в месяц нарушается график выпуска журнала производственным отделом Белгосиздата и типографией. Однако создавшееся положение нисколько не волнует ни главного редактора журнала М. Танка, ни директора Государственного издательства БССР З. Матузова.

Очевидно, смирился с опозданием журнала и Союз советских писателей Белоруссии. Работа редакции журнала «Полымя» до сих пор не стала предметом серьезного разговора на президиуме ССП БССР.

СНОВА ЗАТИШЬЕ

Бюро секции русской литературы ССП Белоруссии совсем не планирует свою работу. Обсуждение произведений возникает стихийно. В мае и июне на секции были обсуждены книги трех авторов: повесть Н. Пятницкого «Великий разбег», роман Н. Алексеева «Испытание» и сборник стихов Н. Кислика. После этого члены бюро секции ни разу не собирались.

А поговорить есть о чем. Русский альманах «Советская отчизна» (орган ССП БССР) нередко печатает слабые вещи. Бюро секции русской литературы не помогает редколлегии альманаха. Некоторые рукописи лежат годами. Так получилось, например, с повестью Н. Полянского «Вдали от родины». Она пролежала полтора года в редакции, а теперь без обсуждения на секции печатается в четвертой книге альманаха.

П. ВОЛКОДАЕВ,
корреспондент «Литературной газеты»

МИНСК

Двенадцать тысяч томов книг насчитывает передвижная библиотека Онгудайского районного отдела культуры Горно-Алтайской автономной области. Она обслуживает колхозников, занятых на уборке урожая и заготовке кормов для скота. На полевые станы вместе с передвижной библиотекой выезжают агитбригады, участники кружков художественной самодеятельности. НА СНИМКЕ: выступление участников художественной самодеятельности на полевом стане колхоза «12 лет Октября» Онгудайского района.

Фото В. Николаева

НЕДОПУСТИМЫЙ РАЗНОБОЙ

Б. РЕИЗОВ

Всякий, кто пытался переводить с иностранного языка на русский, знает, какие разнообразные, часто неожиданные, казалось бы, почти неразрешимые трудности могут возникнуть даже перед опытным переводчиком. Эти трудности, если они преодолены, остаются незаметными для читателя и для критика. Но они очень ощутимы в процессе работы переводчика. Предъявляя высокие требования к переводчику, следует подумать и о том, чтобы помочь ему в самых элементарных его нуждах.

А таких нужд много. Мы не говорим о теоретических проблемах, которые следовало бы обсуждать более систематически и более конкретно, чем мы делали это до сих пор,— проблемах лексики, фразеологии и т. д. Мы имеем в виду вопросы, гораздо более простые, но подлежащие скорейшему разрешению: транскрипцию иностранных имен и географических названий, передачу общеизвестных и наиболее употребительных терминов.

Здесь разнобой в нашей переводной и оригинальной литературе чрезвычайный. Одно и то же имя в разных переводах дается по-разному. Одна и та же английская фамилия пишется: «Кэстльри», «Кастлрей», «Каслри» и т. д. Можно ожидать, что в каком-нибудь новом переводе она будет написана как-нибудь иначе. У нас английского писателя называют и «Уолпол» и «Вальполь», с различными дополнительными вариантами; при этом его имя одни переводят — «Гораций», а другие «Орешо». Друга Гамлета иногда также называют не Гораций, а «Орешо». Долгое время всем был известен Гюи де Мопассан, теперь, наконец, он получил свое подлинное имя «Ги». Слово «валлийский» у нас встречается так же часто, как «уэллский».

Как передавать отдельные звуки имени? В каких случаях употреблять «э» и в каких более обычное «е»? Писать ли по традиции «Петер», или, как в некоторых справочниках, «Пэтер», или, в согласии с принципом последнего времени, «Пэйтер» или «Пейтер»? Передавать ли имена королей в латинской форме, и можно ли и в каких случаях сохранять национальную форму? Одно и то же французское имя Луи переводят по-разному: всегда пишут «Людовик XIV» и наряду с этим — «Луи Филипп» и «Луи-Наполеон».

Другая трудность, постоянно возникающая перед переводчиком,— передача наиболее распространенных званий, профессий, титулов, чинов. Здесь возможны различные случаи: передача понятия, никогда не существовавшего в русской действительности, и передача понятия, хорошо известного русскому читателю. Можно ли выдумывать новые слова или употреблять старые с новым значением? Во всяком случае несомненно, что нельзя одно и то же слово переводить всякий раз по-разному и вместо «государь» писать «сир» и «ваше величество» или один и тот же военный чин обозначать четырьмя словами: «сублейтенант», «подпоручик», «корнет» и даже «унтер-офицер».

Каждый переводчик поступает по-своему, а чаще — «как придется». Это приводит к тому, что читатель принужден непрерывно разгадывать загадки и не может в новом написании узнать хорошо известное ему историческое лицо или героя литературного произведения. Ему не помогут и справочники, он совершенно беспомощен: приходится производить самостоятельные разыскания.

Установить четкие правила транскрипции иностранных собственных имен и географических названий, дать ясные указания для редакторов и переводчиков совершенно необходимо. Мы не стремимся к точному воспроизведению звуков иностранного языка. Многие из этих звуков отсутствуют в русском языке; искусственно вводить их специально для иностранных слов и бессмысленно и невозможно. Не так уж важно, если какое-нибудь иностранное имя будет передано на русский язык не абсолютно точно. Но крайне важно, чтобы имя или название было передано с той приблизительной точностью, какая возможна для фонетики русского языка, и всегда — во всех переводах, в книгах, газетах, энциклопедических словарях, учебниках — одинаково. Здесь неизбежен элемент условности, но эта условность должна быть общепринятой.

Возможны всякие компромиссы, но принципы должны быть выработаны непременно. Это должно быть сделано совместными усилиями лингвистов и переводчиков и, очевидно, в результате открытой дискуссии. Выработанные таким образом принципы должны быть обязательными для всей нашей переводной литературы. Следовало бы оговорить и возможные случаи отклонения от правил.

Нельзя больше довольствоваться «самотеком» и терпеть произвол отдельных лиц в столь важном деле. Необходимо секции переводчиков Союза писателей совместно с Институтом языкознания Академии наук СССР разрешить этот не терпящий отлагательства вопрос.

Произведения наших друзей

Государственное издательство и Союз советских писателей Киргизии, учитывая большой интерес читателей к произведениям прогрессивных зарубежных писателей — борцов за мир, выпустили на киргизском языке ряд широко популярных книг. Среди них — «Слово перед казнью» замечательного чешского патриота Юлиуса Фучика в переводе С. Болекбаева, стихи турецкого революционного поэта Назыма Хикмета, переведенные на киргизский язык С. Шимеевым, сборник стихов прогрессивных корейских поэтов.

Сданы в производство рукописи переводов романа китайской писательницы Дин Лин «Солнце над рекой Сангань» и рассказа венгерского прозаика Шандора Надь «Примирение».

Новые книги

Асеев Н. Избранные произведения в 2-х томах. Гослитиздат, т. I. Стихотворения, 228 стр. Цена 6 руб. 35 коп. Т. II. Поэмы и переводы. 224 стр. Цена 7 руб. 40 коп.

Вишневский В. Драматургия. Избранное. «Советский писатель». 403 стр. Цена 9 руб. 55 коп.

Глинка М. Записки. Государственное музыкальное издательство. 284 стр. Цена 11 руб.

Грибоедов А. Сочинения. Гослитиздат. 772 стр. Цена 11 руб. 55 коп.

Исаковский М. Стихи и песни. Гослитиздат. 200 стр. Цена 1 руб. 70 коп.

Казахские народные сказки. Перевод с казахского. Гослитиздат. 136 стр. Цена 1 руб. 50 коп.

Пуйманова М. Игра с огнем. Роман. Перевод с чешского Н. Аросевой и В. Чешихиной. Лениздат. 272 стр. Цена 5 руб. 35 коп.

Смердов А. Наш день. Стихи. Новосибирское книжное издательство. 111 стр. Цена 3 руб. 45 коп.

Софронов А. Пьесы. «Советский писатель». 318 стр. Цена 7 руб. 95 коп.

Субботин В. Стихи. Симферополь. Крымское издательство. 72 стр. Цена 1 руб. 60 коп.

Украинка Л. Стихи и поэмы. Перевод с украинского. Гослитиздат. 188 стр. Цена 1 руб. 50 коп.

Черкасов Н. Записки советского актера. «Искусство». 392 стр. Цена 27 руб. 30 коп.

Мнимые конфликты и правда жизни

Ан. ТАРАСЕНКОВ

За последние годы в нашей критике не раз напоминалось о необходимости повышения внимания к несправедливо забытому жанру рассказа, о прекрасных традициях рассказа в русской классике, о плодотворности принципов экономного, но напряженного действия новеллы, в ограниченных и строгих рамках которой вполне возможно яркое и целостное раскрытие человеческих характеров. Эта позитивная работа нашей критики в какой-то мере уже дала свои первые результаты.

Один за другим появились сборники целого ряда способных авторов, внесших свой, пусть пока еще скромный, но самобытный вклад в развитие советского рассказа. Речь идет о сборниках Сергея Антонова, В. Матова, Рытхэу, Б. Бедного, Д. Осина, В. Дудинцева, Б. Зубавина. В этом же ряду находится и имя Юрия Нагибина, не первый год работающего в литературе. Недавно вышла его новая книга, включающая девятнадцать рассказов на военные, колхозные, студенческие, спортивные темы.

Эти вещи написаны уверенной рукой. Писатель хорошо владеет сюжетом, он умеет схватывать верные бытовые и психологические черточки, строить острые, запоминающиеся диалоги, давать выразительные речевые характеристики героев. Нагибин умеет создавать разнообразные, хорошо очерченные характеры, рисовать увлеченность людей порученным им делом. В его рассказах есть ощущение движения жизни.

Но именно одаренность Ю. Нагибина обязывает сказать и о существенно важном недостатке, характерном для многих его рассказов. Этот недостаток особенно бросается в глаза, когда читаешь рассказы подряд, когда постигаешь не только частные удачи и неудачи автора, а задумываешься над его манерой, над его писательским путем. И вот тут-то и обнаруживается, что во многих рассказах Ю. Нагибина выступает одна и та же схема, один и тот же шаблон в развитии действия.

Вот перед нами связист Васильев, который в смертельно опасных обстоятельствах напряженного боя восстанавливает порванную связь и при этом остается целым и невредимым. На протяжении рассказа автор не раз ставит своего героя в такое положение, когда читатель начинает всерьез волноваться за его судьбу, за жизнь. В конце концов не враги перехитрили Васильева, а он их. И победа и жизнь — на стороне этого простого и скромного советского человека, незаметного труженика войны. Сам по себе рассказ не плох. Его содержание не вызывает никаких возражений.

Рядом со «Связистом Васильевым» — другой рассказ: «Чужие берега». Это рассказ о том, как группа советских рыбаков, ушедшая из горящего Севастополя на моторной лодке, заблудилась и вышла к турецким берегам. Стойкость и моральная чистота советских людей выдержали трудные испытания. Измученные голодом рыбаки отказываются от покупки продовольствия за счет советского консульства (ибо это продовольствие предлагается по издевательски завышенным ценам) и, приобретя по самому скупому расчету необходимое количество хлеба и бензина, отправляются дальше, — они хотят достичь и действительно достигают берегов Родины.

Изображенное в рассказе соответствует тому стилю и поведению, которые типичны для советских людей даже в самых трудных обстоятельствах. Оптимизм этих рассказов не противоречит жизненной правде.

Но не может и не должно быть оптимизма логике и жизни вопреки. Социалистическому реализму чуждо розовое, приглаженное представление о жизни, между тем оно зачастую встречается в рассказах Ю. Нагибина.

В «Путях-дорогах» демобилизованные воины — сапер Федор Рожков и его бывший начальник сержант Степан Захарович — решают пройти по деревням и подзаработать деньжат плотницким ремеслом. По ходу этих странствий получается так, что Федор встретил и полюбил в одном колхозе вдову красноармейца, начал помогать ее односельчанам. Где из почтения, а где из жалости к людям, разоренным войной, он всюду отказывается от денег. Его товарищ пошел на заработки в соседний городок. После недолгой разлуки Федору предстоит встреча со Степаном, и он опасается, что сержант, более практический, чем Федор, будет сердиться за его безвозмездную работу. Но при встрече оказывается, что и Степан работал бесплатно.

«— Поработал я, — говорит он, — может, и получше твоего. Банкаброш, сложнейшую машину, отремонтировал. В жисть так не трудился. А как стали об оплате говорить, я этаким гордым чортом: примите, мол, в подарок от Красной Армии! Да, видать, мы с тобой на одних дрожжах замешены».

Сверхбескорыстная идилличность этой концовки вызывает у читателя чувство раздражения. Если в «хорошие» концовки первых двух названных выше рассказов он поверил, то в «Путях-дорогах» концовка кажется ему надуманной. Герои этого рассказа далеки от реальной жизни с ее подчас немалыми материальными трудностями, которые советские люди испытывали в первые годы после войны.

Ощущение искусственности усиливается, когда читаешь некоторые другие рассказы, включенные в книгу. Схематично изображена семидесятишестилетняя доярка Авдотья, которая, даже уйдя на покой, не может высидеть дома и рьяно вмешивается во все дела «своей» фермы («На покое»). То перед нами малоспособный и неуклюжий, но трудолюбивый и честный студент Костя, успешно конкурирующий в любви с красивым и талантливым Аликом («Юные годы»). То бывший чемпион конькобежец Стрешнев, сознательно идущий на личное поражение ради того, чтобы бескорыстно помочь взять рекорд своему ученику Курчатову («Победитель»). Подобные характеры, подобные ситуации, если взять их порознь, отдельно друг от друга, встречаются в жизни. Но назойливое однообразие этих безупречных характеров, этих «благообразных» концовок, долженствующих с самой лучшей стороны отрекомендовать героев рассказов, кажется нам противоестественным.

Надо сказать, что Ю. Нагибин почти никогда не прибегает к примитивной идиллии, почти нигде не говорит прямо о том, что, дескать, все конфликты благополучно разрешатся. У него хватает вкуса и такта для того, чтобы воздержаться от чересчур лобовых решений. Гораздо чаще автор лишь **намекает** на то, что все окончится хорошо, дает понять, что все «образуется». Но, к сожалению, намеки эти слишком «толсты», чтобы в рассказах, о которых идет речь, могла сохраниться иллюзия жизненных конфликтов.

Даже снятый с работы, отставший от жизни директор МТС Петр Кириллович, как намекает автор, вскоре поймет свои ошибки и перестроится («Поздняя осень»). Даже недоступная Таня, как опять-таки намекает автор, вскоре поймет душу Кости и ответит взаимностью на его любовь, как и героиня другого рассказа — Поля, безусловно, перестанет зря ревновать своего Аликпера и ко всеобщему умилению вскоре выйдет за него замуж («В Синегории»).

В результате получается, что оптимизм многих рассказов Ю. Нагибина выглядит оптимизмом автоматическим. Возникающие в ходе повествования конфликты не разрешаются путем победы передового начала над отсталым, а просто вытесняются из жизни, растворяясь во всеобщем благополучии, во всеобщей «хорошести».

В одном из своих рассказов («Комбайнеры») Ю. Нагибин заставляет, например, отстающих комбайнеров самозабвенно трудиться в тревожном ожидании приезда передового мастера хлебоуборки Горбаня из Ростовской области. Готовясь к встрече с этим легендарным героем, комбайнеры овладевают порученной им техникой и вдвое перевыполняют нормы. Об этом писатель рассказал неплохо. Но в конце рассказа оказывается, что знатный комбайнер вовсе сюда и не приедет, что он уже работает в другом колхозе, да к тому же это и не комбайнер, а комбайнерка, а зовут ее... Екатерина Горбань. Заранее обещанный писателем конфликт, таким образом, не состоялся, и в конце концов дело свелось к изображению пай-мальчиков и к анекдоту, не столь уж забавному, не столь уж свежему.

Робость Ю. Нагибина перед изображением живых противоречий действительности есть одно из скрытых проявлений теории бесконфликтности, принесшей столько вреда развитию нашей литературы.

А ведь будь отношение Ю. Нагибина к своей писательской работе более смелым, более целенаправленным, он мог бы избегнуть его. Ибо Ю. Нагибин не только одаренный человек — его дарованию в основе присущ **реалистический** характер. В его рассказах без труда можно найти много живых, реалистических подробностей жизни, много верных частностей быта и психологии. Он умеет остро и выразительно дать и приметы боя, описать душевную русскую песню, показать хлебоуборку или работу на ферме, изобразить яростный бег спортсмена по ледовой дорожке.

К сожалению, хороших рассказов у Ю. Нагибина меньше, чем плохих. Но они, эти подлинно хорошие рассказы, есть в его книге. Удачны, на наш взгляд, рассказы «Ваганов», «Переводчик», а частично и «Покупка коня» и «Радиосолдат». Когда Ю. Нагибин одушевлен самой правдой жизни, когда он пишет увлеченно, без оглядки на навязанные правила «хорошего» литературного тона, он способен по-настоящему увлечь за собой читателя. Сюжет в этих рассказах основан на раскрытии человеческого характера.

Его боец кавалерист Ваганов, погибший в бою с фашистами, но продолжающий жить в сознании бойцов,— подлинно поэтическая фигура. Читатель верит не только в выразительные частности этого яркого человеческого образа, но и в основную, определяющую черту его характера — испепеляющую ненависть к врагам, истребившим его семью. Эта правдивость в обрисовке главной черты характера Ваганова помогла писателю добиться абсолютной достоверности героя и в самозабвенной пляске и в его почти аскетическом целомудрии. Потому-то и сжимается в неподдельном волнении сердце читателя, который, уже зная о гибели Ваганова, заново переживает непосредственный трагизм его смерти, такой героической и такой непереносимой для сознания. Конфликт рассказа обнажен в самой своей сути.

Правдив и рассказ «Переводчик» — о пожилой женщине, добровольно пошедшей на фронт и выполняющей под огнем свои трудные воинские обязанности. Ю. Нагибин сумел реально, зримо показать в этом рассказе, как дело, необходимое многим людям и определяющее их судьбы, становится поэзией, становится внутренним смыслом жизни героини.

Удачей Ю. Нагибина представляется нам и его рассказ «Трубка».

В литературе неоднократно описывался кочевой быт цыганского табора. Он брался почти всегда в некоем романтическом ореоле. В вольной жизни цыган подчеркивалась ее дикая, но красивая самобытность. Ю. Нагибин показал изнанку этой мнимой красоты. Ярко воссоздан Ю. Нагибиным образ хищника-эксплуататора, жестокого и неумолимого вожака табора — Баро Шыро. Остро даны картины борьбы внутри цыганского рода, распадающегося и умирающего в суровую годину революции. Полнокровно нарисованы и образ мальчика, от лица которого ведется рассказ, и образ бабушки-цыганки. Исполнены внутренней поэзии сцены встречи мальчика-цыгана с русским коммунистом, который в дальнейшем становится для него учителем жизни.

И хотя в концовке рассказа автор отдал известную дань привычному для него «идиллизму»,— в целом «Трубка» подкупает именно тем, что частная правда житейских деталей органически слита здесь с большой правдой социально-исторического процесса. Поэтому я лично не могу согласиться с той отрицательной оценкой, которую дал «Трубке» Н. Асанов в статье «Рассказы в «Новом мире» («Литературная газета» от 29 мая 1952 года).

Совсем несхож с «Трубкой» новый рассказ Ю. Нагибина «Зимний дуб», не успевший войти в разбираемый сборник, но получивший уже положительную оценку в печати. В этом рассказе Ю. Нагибин тоже верен большой жизненной правде наших дней, и потому снова, как и в других его удачных произведениях, оказываются на месте и детали быта, пейзажа, человеческой психики, которые в иных—слабых—рассказах Ю. Нагибина грозят превратиться в самоцель.

Надо пожелать Ю. Нагибину, чтобы свое дальнейшее творчество он развивал, сознательно сообразуясь именно с этой большой жизненной правдой, чтобы он отошел раз и навсегда от легких и внешне «красивых» схем, которые, на поверку, слишком часто оказываются для одаренного новеллиста лишь средством «закругленного», «обтекаемого» изображения трудностей и противоречий жизни.

Юрий Нагибин. Рассказы. «Молодая гвардия». 1953. 328 стр.

БРЕМЯ ОККУПАЦИИ

Штрихи из жизни Западной Германии

На поля маленькой западногерманской деревни Нейшлейхах обрушилось бедствие, страшнее, чем заморозки и засуха, — гусеницы американских танков и бронетранспортеров, колеса американских военных грузовиков. Клеверное поле, принадлежащее одному крестьянину этой деревни, они уничтожили начисто. Гусеницами машин они «перепахали» участок, который за несколько дней до этого засеяла крестьянка, оставшаяся с детьми после смерти мужа сама девятая. Семье ее грозит голод.

В общине Вестгейм американцы разрушили мост и тоже перерыли поля; в общине Эшенау испортили дорогу; в лесу под Марибургсхаузеном истребили молодые посадки...

Один из жителей деревни (газета «Фрайес фольк», рассказывающая об этом, не привела его фамилии, чтобы не навлечь на него преследования со стороны властей) осмелился спросить у американского военнослужащего, сколько времени будут продолжаться все эти учения и маневры на крестьянских полях. Тот ответил: «Мы уйдем тогда, когда здесь все превратится в золу и пепел».

«Фрайес фольк» пишет: «В результате сооружения аэродромов в округах Эркеленц и Гейленкирхен — Гейнцберг, военно-учебных плацев в округе Дюрен, складов боеприпасов и прочих военных объектов в округе Аахен-ланд население Западной Германии теряет ценные земельные площади. Мимо этого факта не смогло пройти даже Рейнское объединение сельских хозяев, которое заявило: «С 1938 по 1951 год крестьяне Северного Рейна потеряли 50 тысяч гектаров полезных земель».

В начале 1953 года боннский министр финансов Шеффер сообщил, что общая сумма оккупационных расходов Западной Германии до конца 1952/53 финансового года составит 44 миллиарда марок. В эту официальную цифру, разумеется, не входят убытки, понесенные крестьянами деревни Нейшлейхах — одной из тех, которых постигла такая же участь.

Судьба крестьянских полей, растоптанных сапогами американских и английских солдат, — лишь деталь, лишь штрих в картине того, что означает для хозяйства Западной Германии оккупационное бремя.

А вот другие штрихи той же картины. Западногерманский город Бюнде некогда был широко известен на мировом рынке. Фабрики и кустарные предприятия этого города перерабатывали гаванский и яванский табак на сигары; вывоз которых приносил немецкому бюджету большой доход в валюте. Производством сигар было занято большинство населения Бюнде. Несколько лет назад оккупационные власти перестали выдавать владельцам фабрик разрешение на ввоз хорошего бразильского, гаванского и яванского сырья и предложили покупать табак в США, в Виргинии, и только в Виргинии. Этим они сослужили двойную службу американским табачным монополиям: обеспечили сбыт виргинскому табаку, подорвали качество бюндерских сигар — опасных конкурентов для сигар американского производства на мировом рынке. Но это еще не все. Чтобы из дрянного виргинского табака изготовлять сигары, которые удовлетворяли хотя бы невзыскательного покупателя, табак нужно подвергать химической обработке, придавать ему аромат искусственными способами. Это заставило предпринимателей Бюнде связаться с возрожденными в Западной Германии химическими заводами, с предприятиями воскресшего здесь концерна «ИГ Фарбениндустри». Ну, а все, что идет на благо этому концерну, выгодно американцам, стоящим за его спиной...

Десятки и сотни мелких предпринимателей Бюнде, которым оказались не по карману конкуренция с заокеанскими монополиями и «сотрудничество» с химическими заводами, разорились. Тысячи рабочих сигарных фабрик, кустари, работавшие для этих фабрик на дому, остались без работы...

Другой характерный пример: когда демократические организации Западной Германии выступили с разоблачением террористической деятельности «Союза немецкой молодежи», который ведет картотеку противников милитаристского боннского режима, чтобы расправиться с ними, выяснилось, что деятельность этих террористов финансирует американский концерн «Кока-кола».

Почему концерн, производящий американское пойло, заинтересован в том, чтобы боннский договор вступил в силу (если не говорить, так сказать, об «идейных» мотивах поддержки реваншистов)? Да потому, что вступление этого договора в силу предвещает для фабрикантов «Кока-колы», как, впрочем, и для многих других американских монополистов, огромные выгоды. Дело в том, что договор освобождает от пошлин и от налогов все те фирмы и предприятия, которые обслуживают войска западных оккупирующих держав. Понятно, что концерн «Кока-кола» без труда добился от оккупационных властей признания того, что он работает на их войска. Следовательно, принятие боннского договора означает для него, как и для многих американских и английских монополий, полное освобождение от таможенных пошлин и налогов.

Миллиарды, выкачиваемые из Западной Германии иностранными монополиями, не входят в официальную цифру оккупационных расходов. Но именно они неизмеримо увеличивают бремя, которое лежит на западногерманской экономике.

Уже в 1951 году предприятия Форда, находящиеся в Кельне, могли объявить о чистом доходе в 2 261 миллион немецких марок. Нетрудно представить себе, какая беспощадная эксплуатация западногерманских сырьевых, технических и людских ресурсов скрывается за этой гигантской цифрой!

Пути ограбления западногерманского хозяйства, применяемые оккупирующими державами, многообразны и хитроумны. Какую выгоду можно извлечь из фирменных знаков западногерманских товаров, популярных на мировом рынке? Оказывается, не малую, если снабдить ими свои собственные товары более низкого качества. Именно так и поступают при помощи оккупационных властей американские и английские монополии. Как сообщил журнал «Документацион дер цейт», экономика Западной Германии в результате конфискации и продажи за рубеж немецких фирменных знаков терпит ежегодно миллиардный убыток в валюте.

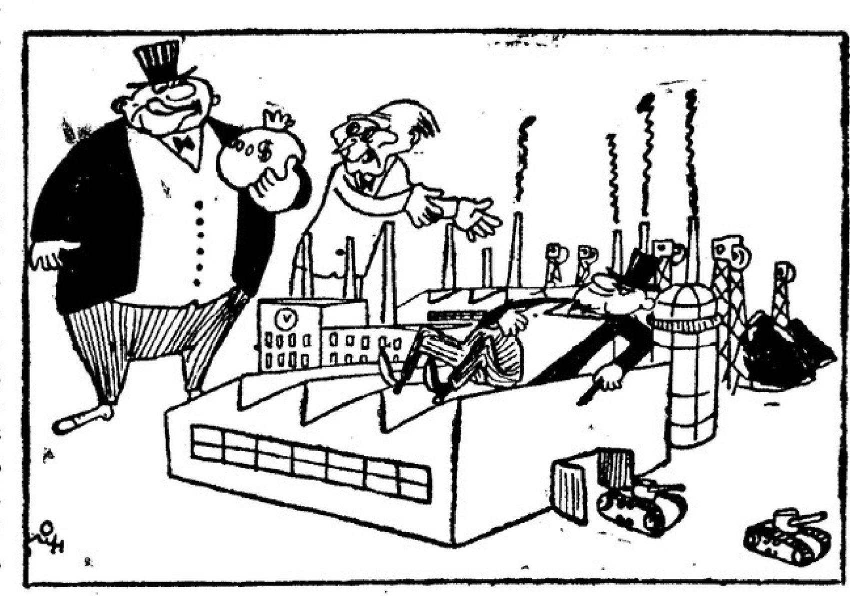
Кабальные поставки сырья под видом «помощи», беспошлинный ввоз своих товаров, вывоз готовой продукции по бросовым ценам не исчерпывают всех способов ограбления Западной Германии. Небольшая информация из западногерманской газеты «Дейче цейтунг унд виртшафтсцейтунг»: «Иностранные государства постоянно просят федеральное правительство о поставках сельскохозяйственной и квалифицированной технической рабочей силы». Патенты, товарные знаки, готовую продукцию и даже рабочую силу выкачивают из Западной Германии зарубежные «покровители».

Огромную статью расходов, которые тяжелым бременем ложатся на население Западной Германии, составляет строительство казарм, военно-учебных плацев, аэродромов, складов боепитания для оккупационных войск. Большое военное строительство ведут, например, англичане в треугольнике Сэст—Верль—Мэнезее. В журнале «Вельтбюне» была опубликована корреспонденция западногерманского сотрудника этого журнала, в которой сообщалось, что объекты, сооружаемые для оккупационных войск в этом треугольнике, обойдутся населению Западной Германии в 155 миллионов марок по предварительной смете, которая, несомненно, будет значительно превышена

Другой формой гнета, лежащего на хозяйстве федеральной республики, является принудительное подчинение ее промышленности иностранным монополиям. Недавно западногерманские газеты сообщили, что немецкая фирма «Фридрих Флик», которой принадлежало 60 процентов акций акционерного общества по добыче угля «Гарленер Бергбау», должна была по указанию оккупационных властей продать все эти акции нескольким иностранным предприятиям. Это лишь одно из проявлений подчинения западногерманской промышленности американскому и английскому капиталу. Сейчас 42 процента всего акционерного капитала западногерманских предприятий находится в руках зарубежных капиталистов.

Немецкая печать попробовала в эти дни подсчитать, во что обходится населению Западной Германии оккупационное бремя, насколько превышает оно те достаточно высокие цифры, о которых официально говорят боннские политики.

Вот некоторые данные, приведенные на днях в газете «Берлинер цейтунг»: стоимость немецкого имущества, конфискованного западными державами за рубежом, — 2,5 миллиарда долларов; стоимость конфискованных торговых судов — по меньшей мере 850 миллионов долларов; убыток от присвоения западными державами германских патентов внутри страны и за рубежом, присвоение фирменных знаков и секретов производства трудно подсчитать, но даже по американским данным он составляет от 10 до 12 миллиардов долларов...

Аденауэр — американским капиталистам: «Пожалуйста, садитесь и чувствуйте себя как дома».
Карикатура художника Шмитта из газеты «Фрайес фольк»

Не следует, разумеется, думать, что оккупационное бремя одинаково ложится на все слои немецкого населения боннского «рейха». Крупные капиталисты процветают под покровительством оккупационных властей. Недаром, как сообщает западноберлинская газета «Телеграф», в течение четырех лет в Западной Германии появилось двести новых семей миллионеров.

Но для миллионов трудящихся, для интеллигенции, для десятков тысяч мелких предпринимателей, живущих в боннском «рейхе», оккупационные расходы и все, что с ними связано, означают резкое снижение жизненного уровня, неуверенность в завтрашнем дне, жизненную катастрофу.

С. ОЛЕНИН

КОЧУЮЩИЕ ЛЮДИ

Сотни и сотни тысяч людей — разорившихся фермеров и безработных батраков — бродят по дорогам Соединенных Штатов Америки в поисках заработка. Они готовы наняться на любую работу, за любую оплату...

Кочующие сельскохозяйственные рабочие — «мигранты», как их называют в США,— особенность не одной только капиталистической Америки. Их можно встретить и в Англии. В этой стране их число особенно увеличилось за последние годы, с тех пор, как политика гонки вооружений, подчинения страны интересам американских монополий, нарушение нормальных торговых связей с другими государствами усилили безработицу и разорение трудящихся.

Вот что рассказывает об английских мигрирующих рабочих лондонский буржуазный журнал «Пикчер пост»: «Мы встретили группу кочующих людей в Эссексе, всего в 33 милях от Лондона. Сбор гороха на полях был в разгаре. Это привлекло сотни людей, которые бродят по дорогам. У этих людей нет дома, у большинства нет будущего. Их дом — под плетнем, они живут тем, что дает им земля...»

Годами лишенные постоянной работы и отчаявшиеся получить ее, бродят по дорогам Англии люди в поисках куска хлеба. Помещики нанимают их для копки свеклы, сбора ягод или гороха. Поздней осенью они собирают хмель. Сбор гороха, пишет журнал, может показаться нетрудной работой до тех пор, пока вы не попробуете выйти в поле в пять часов утра и проработать весь день.

Заработанных тяжким трудом денег едва хватает на полуголодное существование. Не удивительно, что сборщики гороха одеты в лохмотья. «Сборщиков гороха здесь не обслуживают»,— гласят надписи во многих трактирах в окрестностях Лондона.

Трудно поверить, но в капиталистической Англии есть люди, которые никогда не знали иной жизни. Вот старая женщина, изображенная на фотоснимке. Она собирает горох каждое лето с тех пор, как помнит себя. В маленькой ручной тележке перетаскивает она с места на место свой жалкий скарб...

КОМИССИЯ МАККАРТИ ЗА РАБОТОЙ

Возглавляемая сенатором Маккарти подкомиссия американского сената по расследованиям открыла кампанию изъятия из ряда государственных библиотек книг «крамольного» содержания.

Маккарти—преподавателю: «Эти учебники должны быть запрещены. В них каждая строчка читается с левой стороны».

Рисунок из американской газеты «Чикаго сан-таймс»

СЧАСТЬЕ УЧИТЕЛЯ

Это письмо мы получили из Венгрии. Автор его — учитель. В новой Венгрии школы широко открыли свои двери для детей рабочих и крестьян. В стране существует всеобщее обязательное обучение, за короткий срок построены сотни новых просторных, светлых школ. Вниманием и любовью народа окружен благородный труд учителя. О размахе культурной революции в Венгрии говорят такие цифры: в школах, средних и высших учебных заведениях страны учится более 1,5 миллиона человек, 16,7 проц. всего населения.

Я сижу на крыльце своего домика, обвитого диким виноградом. Взгляд мой скользит по улицам родного села. Каждый камень, каждый кустик знакомы мне, как свои пять пальцев, — ведь я учительствую здесь уже сорок лет.

Напротив меня желтеют колонны старинного замка. Когда-то он принадлежал местному магнату, теперь здесь Дом культуры. Через окна доносится песня, в саду резвятся веселые ребятишки. Несколько дальше здание сельсовета. В прошлом там помещались жандармы в шляпах с петушиным хвостом. Дальше, на окраине села, виднеются постройки машинно-тракторной станции.

Да, чудесно изменилось родное село. Не та теперь и судьба учителя.

...Как будто это произошло вчера... Хорошо помню осенний день 1945 года, когда мы впервые прибили к фасаду школы блестящую эмалевую дощечку с надписью: «Всеобщая школа». В стране была проведена тогда реформа народного образования: прежние начальные школы разных типов стали восьмиклассными едиными общими школами.

Полные энтузиазма, приступили мы к работе. В то время нас, учителей, было в Алшойоже только двое: жена и я. С утра до вечера шли уроки в двух классных комнатах. В старом здании школы протекала крыша, зимой печь так дымила, что мы очень часто не могли даже разглядеть друг друга. Но как нам ни было трудно, мы верили: наступят лучшие времена.

И они наступили. С каждым годом менялась к лучшему наша жизнь в народной Венгрии. В школе нас уже работало пять учителей. Мы получили новое оборудование, учебные принадлежности. Сколько радости было, когда однажды на грузовиках в село приехали каменщики. Вскоре начали подниматься стены новой школы. Мы верили — будет у нас все, мы чувствовали — народное правительство ценит нас.

Одно из первых слов, которое выводят учащиеся курсов русского языка в Венгрии,— это слово «Мир»—«Беке». На снимке, взятом нами из венгерского журнала «Беке эш Сабадшаг»: жители села Кецел (неподалеку от города Кишкёрёша) — на уроке русского языка.

И вот белеет солнечная, покрытая шифером, новая школа на главной улице села. Мысленно обхожу я ее светлые классные комнаты. От легких дуновений летнего ветерка колышутся на окнах белоснежные занавески. В одной из комнат наш зимний сад — его создали сами ученики. Здесь зеленеют лимонные деревья, пальмы. Члены школьного биологического кружка и сейчас, в дни каникул, прилежно ухаживают за любимыми растениями, поливают их. В другой комнате на стене висит рельефная карта Большой Венгерской низменности. Карту изготовили юные географы школы.

Мое воображение заполняет пустые ряды парт русыми, каштановыми головками детей. Мальчики и девочки отдыхают сейчас в пионерских лагерях, они скоро снова приступят к учебе, загорелые, полные свежих сил. Каждый из них имеет возможность окончить все восемь классов, не то, что раньше, когда четвертая часть учащихся отсеивалась еще до четвертого класса. Гонимые нуждой и нищетой, дети вынуждены были с малых лет итти работать.

У меня хранится пожелтевшая от времени записная книжка, ей около сорока лет. Читаю: за тридцать два года до освобождения Венгрии из нашего села поступило в средние школы всего 10 детей. А в одном только 1952/53 учебном году 25 бывших моих воспитанников после окончания общей школы поступили в среднюю школу, шестеро учатся в университетах и институтах страны.

Высокое призвание — быть учителем в моей стране!

В письменном столе хранятся фотоснимки. На одном из них изображена группа учителей. Оживленно беседуя, они спускаются по широкой лестнице Государственного собрания. Это люди, удостоенные правительством звания «Народный учитель». Другой снимок — школьники и их родители чествуют награжденного сельского учителя. В большой комнате сельского совета сидит в президиуме несколько смущенный и удивленный таким почетом и торжеством учитель. Ведь в прошлом, даже с дипломом в кармане, ему приходилось годами унижаться, бегать от одного чинуши к другому с просьбой дать хоть какую-нибудь работу. А попав в число счастливых, он получал нищенское жалованье, был окружен холодным равнодушием властей, презрением со стороны господ.

Теперь учитель окружен уважением всего общества. Свидетелем тому — я, тысяча таких же учителей.

Меня удостоили звания «Народного учителя Венгерской Народной Республики». Четырежды повышалась наша зарплата. Доверием народа облечена моя жена, избранная депутатом сельского совета. По соседству со школой нам предоставлена хорошая, солнечная квартира.

Кто из сельских учителей мог раньше даже подумать о том, чтобы провести лето на роскошном курорте? А мы с женой побывали летом прошлого года в лучшем санатории курортного городка Балатонфельдвар. И в этом году получили путевки.

Когда я учился, приходилось преодолевать огромное количество трудностей, зарабатывать себе на пропитание. А мой сын Карой — студент последнего курса пединститута в городе Дебрецен, живет в общежитии, получает стипендию. Дочь Ильдико — счастливая молодая мать. Ее муж работает врачом в соседнем селе.

...Велосипедный звонок. Открывается дверь. Это почтальон. Он принес три письма из разных концов страны. Одно — от моего ученика, отдыхающего на берегу Дуная. В других двух письмах мои бывшие питомцы рассказывают о своей жизни. Один стал счастливым отцом — малыш здоров, весит три килограмма. Другой с гордостью сообщает, что добился звания стахановца на шахте в Комло.

Не проходит дня, чтобы я не получал писем от своих воспитанников. В этих письмах я черпаю силу и бодрость в работе, в своем ученье. Да, ученье, ибо, не считаясь с годами, и я занимаюсь. Учиться нужно всем!

Имре ШИМОН,
народный учитель

ВЕНГРИЯ, село Алшойожа

Мона БРЭНД,
австралийская писательница

Как живут писатели Австралии

Английский поэт Джон Мильтон называл хорошую книгу драгоценной кровью сердца художника и говорил, что искусство писателя — это талант, скрывать который равносильно смерти. Все настоящие писатели знают: если они не находят выражения своим творческим идеям,— значит, они не живут.

Мне не нужно говорить советским людям, как богато литературное наследие Англии: советские люди по достоинству ценят великих писателей. Шекспир, Диккенс, Бэрнс, Теккерей и многие другие знакомы им отнюдь не понаслышке. Но советские писатели и читатели могут иногда задать себе вопрос: почему теперь — по сравнению с прошлым — мало крупных писателей на Западе? Они могут спросить: почему в тот момент, когда сохранение мира составляет желание всех людей, в том числе и самих писателей, мало кто из них в своих произведениях с достаточной силой отражает это глубочайшее стремление народов?

Советские писатели и читатели знают современных прогрессивных писателей — Говарда Фаста, Ллойда Брауна и других в США, Джека Линдсея и Джеймса Олдриджа в Англии, Катарину Причард и Фрэнка Харди в Австралии (а равно имена многих других), и они поймут, что не этих людей я имею в виду, когда говорю о крайней скудости писательских сил.

Тем не менее это факт, что на Западе мало прогрессивных писателей, которым в наших странах удается издавать свои произведения, а если это пьесы, — ставить их на сцене. Почему же это так?

Позвольте мне рассказать вам кое-что о положении писателей на моей родине — в Австралии.

Как известно, английские колонисты стали прибывать в Австралию в 1788 г.

Прошло много лет, прежде чем возникла наша австралийская литература. Первые прозаики и поэты смотрели на австралийскую действительность глазами англичан. Они говорили о «замках», и о «полях», «ручейках» и «долинах, поросших лесом», но это были понятия, не дававшие представления о развертывавшемся перед их глазами австралийском ландшафте.

Когда этот период миновал, на сцене стали появляться подлинно австралийские писатели. Они писали баллады, содержавшие реалистические или романтические картины австралийской жизни. Наш великий поэт и романист Генри Лоусон первый показал подлинную жизнь страны, ее народ и путь ее общественного развития. Он пользовался любовью и восхищением своих современников, но жизнь его была нелегка. Подобно своим предшественникам и современникам в Австралии, он всю жизнь был вынужден бороться с нуждой.

Издательское дело развивалось в Австралии весьма медленно. В то же время в страну импортировалось много книг английских писателей. Издатели и критики — если не считать нескольких серьезных австралийских критиков-патриотов — относились к сочинениям австралийских писателей свысока.

Это отношение в значительной степени сохранилось еще и теперь. В школьных учебниках австралийская литература представлена весьма слабо. Стоит взглянуть на книги, покупаемые публичными библиотеками, чтобы убедиться, что бо́льшая часть из них — это произведения английских и американских писателей.

До последнего времени в Австралии было сделано очень мало для воспитания в читателях интереса к отечественной литературе. Буржуазные читатели считали,— а многие продолжают считать и до сих пор,— что интереснее читать про людей, живущих в Лондоне, где они никогда не были, чем про тех, кто живет в городах и на фермах Австралии.

Между прогрессивными австралийскими писателями и широким читателем стоят издательства, которые осуществляют политику, угодную правящим кругам.

В столь тяжелых условиях австралийскому писателю весьма трудно, вернее, почти невозможно найти издательство, которое согласилось бы выпустить его книгу.

Но австралийские писатели — бо́льшей частью народ упорный. Материальные лишения не смогли воспрепятствовать росту австралийской литературы во второй половине XIX и в XX веке. Писатели Вэнс и Летти Палмер, Леонард Мэнн, Фрэнк Делби Дэвидсон, Джон Шоу Нильсон, Катарина Причард, так же как и многие другие, отразили реальную действительность Австралии и особенно ее деревенскую жизнь в романах, повестях, рассказах и стихах. Для них не было помехой даже то, что иногда печатание своих книг нужно было оплачивать самим, удовлетворяясь небольшими тиражами.

За исключением некоторых журналистов и тех, кто работает для радио, австралийские писатели и в прошлом не могли и сейчас не могут существовать на свой литературный заработок. Чтобы жить, писатель вынужден заниматься какой-либо другой профессией, часто чуждой ему. Один из наших крупнейших лирических поэтов — Джон Шоу Нильсон — работал почти до самой смерти в податном управлении.

«Литературная газета» уже помещала материалы о творчестве Фрэнка Харди и о создании нового «Австрал-азиатского общества книги» *. Поэтому мне нет необходимости рассказывать обо всех трудностях, с которыми сталкивается сегодня прогрессивный писатель, посвятивший свою деятельность борьбе за лучшую жизнь и укрепление мира. Остановлюсь лишь на некоторых подробностях. Каким бы отрадным фактом ни было создание прогрессивного издательства «Австрал-азиатского общества книги», не следует забывать, что оно не может издавать более шести книг в год. Кто же, кроме него, будет публиковать прежде всего крупные произведения? Лишь 4—5 местных издательств. Но если они и делают это, то, не желая рисковать, выпускают книги тиражом не более 3—4 тысяч экземпляров, так как издательства, следуя распространенному в среде буржуазии мнению, думают, что австралийцы не хотят читать про свою собственную жизнь.

В Австралии выходит много журналов. В прошлом прогрессивные писатели пользовались поддержкой журнала «Сидней бюллетин». Теперь этот журнал позорно изменил свое лицо. Литературный журнал «Миэнджин» проявляет поразительную неустойчивость взглядов. В прошлые времена маленькие отважные журнальчики возникали и исчезали, не будучи в состоянии справиться с экономическими затруднениями. Лучшие писатели сотрудничали в этих журналах, не получая гонорара.

Сейчас владельцами большинства периодических изданий являются крупные монополисты. В стране издается для женщин несколько еженедельных журналов, которые печатают пустые, бессодержательные романы. Чаще всего они помещают материалы, получаемые от газетно-журнальных трестов Англии и США по ценам, значительно более низким, чем цены на соответствующие произведения, установленные профсоюзом журналистов. Иногда в них появляются короткие стихотворения, но весьма редко печатается что-либо, заслуживающее серьезной оценки.

Поэтам приходится в Австралии еще труднее, чем прозаикам. Каждый год десятки поэтов издают за собственный счет томики своих произведений. Некоторые из них хороши, другие — плохи. Во всяком случае, в Австралии поэт расцветает как упрямый «desert-pea» — цветок, который не может победить засуха пустыни. А вряд ли в издательском деле может быть что-либо более жестокое, чем наша «засуха»! Я сама издала за свой счет три небольших сборника стихов в течение десяти лет. Каждый раз мне приходилось таскать по книжным лавкам чемодан, наполненный экземплярами моих книг, и просить торговцев взять их на комиссию. Некоторые из них соглашались взять самое бо́льшее три десятка экземпляров, но отнюдь не были уверены, что сделают выгодное дело. «Мы не можем продавать стихи»,—говорили они. То же самое испытывали и все наши поэты. Лишь крупнейшие из них получали признание, да и то в конце своей жизни, а некоторые из них умерли раньше, чем это признание пришло.

«Австрал-азиатское общество книги» хочет предоставить возможность поэтам и авторам коротких рассказов публиковать свои произведения на страницах журнала, выход которого проектируется в ближайшем будущем.

Несколько слов о прогрессивной драматургии. Мы, в Австралии, счастливы тем, что почти в каждом крупном городе ныне имеются наши «Новые театры».

«Новые театры» стараются ставить оригинальные произведения австралийских драматургов, используя для этого все возможности. Однако в Австралии ощущается недостаток драматургов. Это не должно удивлять, если учесть, что в настоящее время прогрессивный драматург не может обеспечить себе существование за счет постановок своих пьес в «Новых театрах». Если австралийский драматург хочет существовать на свой литературный труд, единственная возможность для него — работать на радио, где он может найти работу как сценарист на одной из коммерческих станций. Но если он в своих произведениях придерживается передовых взглядов, то вряд ли он найдет себе такую работу. Таким образом, понятно, что и у прогрессивного драматурга мало шансов полностью посвятить себя своей профессии. То же относится и ко всем профессиональным писателям моей страны. Те из них, кто хочет зарабатывать свой хлеб насущный пером, вынуждены писать то, что мы называем «пот-бойларз» — поверхностные рассказы или повести, чтобы заработать здесь и там несколько фунтов. Опасность этого пути состоит в том, что если писатель не будет исключительно стойким, такие писания становятся его основной продукцией.

Расскажу о себе. Некоторое время я жила в Лондоне, где положение прогрессивных писателей мало чем отличается от их положения в Австралии. Хотя я написала несколько книг стихов, несколько рассказов и статей, а также три пьесы, две из которых ставятся довольно широко, могу откровенно сказать, что мне издание и распространение моих произведений стоило значительно больше того, что я получила в виде гонорара. Литературная деятельность обходится мне довольно дорого, и я, подобно многим, могу посвящать тому, что для меня является делом жизни, лишь свободное время.

Австралия богата талантливыми художниками. Мы твердо верим, что придет час, когда наша литература расцветет и станет действительно достоянием народа. Мы боремся за такую литературу.

* См. «Литературную газету» № 48 за 1951 г. и № 81 за 1953 г.

Министерство культуры СССР с прискорбием извещает о кончине выдающегося дирижера, народного артиста СССР, лауреата Сталинской премии, профессора

Николая Семеновича
ГОЛОВАНОВА,

последовавшей утром 28 августа с. г., и выражает соболезнование родным покойного.

Дирекция, партийный комитет, местный комитет и коллектив Большого театра Союза ССР с прискорбием извещают о кончине выдающегося деятеля советского искусства, народного артиста СССР, лауреата Сталинской премии, профессора

Николая Семеновича
ГОЛОВАНОВА

и выражают свое соболезнование родным покойного.

Гражданская панихида состоится в понедельник, 31 августа, в 13 часов в главном фойе Большого театра.

Доступ к телу с 10 часов утра.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета), Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б02846.